

Санкт-Петербургский государственный университет

ПЕТРОВА Валерия Игоревна

Выпускная квалификационная работа

Отношение античного наездника к лошади и способы ее выездки

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5037. «Классическая филология
(древнегреческий и латинский языки; античная литература)»

Профиль «Классическая филология (древнегреческий и латинский языки;
античная литература)»

Научный руководитель:

к. иск., доцент, Кафедра
классической филологии,
Алмазова Нина Александровна

Рецензент:

старший научный
сотрудник, Отдел
истории античной
культуры, Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт
истории материальной
культуры Российской
академии наук,
Павличенко Наталья Андреевна

Санкт-Петербург
2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Отношение человека к лошади.....	9
1.1. Особенное положение лошади по отношению к человеку	
1.2. Сферы проявления любви к лошадям.....	10
1.3. Конные ристалища и персонализированное отношение к лошади.....	11
1.4. Рассказы Плиния о замечательных качествах лошадей.....	13
1.5. Отношение к лошадям у Симона и Ксенофонта.....	18
1.5.1. Лошади в «художественных» произведениях Ксенофон- та.....	19
1.5.2. Отношение к лошади в специальных трактатах Симона и Ксенофон- та.....	24
Глава II. Букефал – самый знаменитый конь античного мира.....	37
2.1. Источники о Букефале.....	37
2.1.1. Testimonia	
2.1.2. Современные Александру источники.....	49
2.2. Исторический облик Букефала: реконструкция.....	51
2.2.1. Имя и внешний вид	
2.2.2. Порода и происхождение.....	56
2.2.3. Возраст.....	58
2.2.4. Цена.....	60
2.2.5. Обстоятельства приручения.....	62
2.2.6. Избирательное послушание.....	63
2.2.7. Участие в восточных походах. Кража и возвращение.....	66
2.2.8. Обстоятельства смерти. Основание города в память о коне.....	67
Глава III. Памятники лошадям.....	72
3.1. Могила лошадей Кимона.....	73
3.2. Посвящение Симона.....	75
3.3. Конь Александра – конь Цезаря?.....	77
3.4. Могила коня Августа.....	84

	3
3.5. Могила Борисфена, коня Адриана.....	85
Заключение.....	89
Список сокращений.....	90
Список литературы	
Приложение. Список иллюстраций.....	95

Введение

В жизни греков и римлян, как и всех прочих народов, животные играли важную роль. Отношению к миру животных в классической древности неоднократно становилось предметом исследований. Так, самые общие вопросы о месте, которое животные, в частности лошади, занимали в жизни древних, осветили Шлибен и Келлер, в трудах которых представлен фундаментальный обзор роли животных в античной культуре, религии и мифологии. Более конкретно отношения человека к животным исследуют Лонсдейл и Бодсон. В их статьях разбираются конкретные примеры эмоциональной привязанности людей к животным. Бодсон, помимо прочего, исследует важный для данной работы вопрос о взгляде на права животных в античности и критику плохого обращения с животными. Очень важный вектор рассуждений о способности древних чувствовать к животным эмпатию задают Корхонен и Руонаковски, однако выводы, предложенные авторами, идут вразрез с представленными в этой работе. Тем не менее, в книге собраны ценные свидетельства, которые, несомненно, оказались полезными.

Для более детального анализа отношения человека к лошади оказались очень полезными работы А. Р. Андерсона, которые были использованы как основа при исследовании традиции о Букефале, и Бордмана, выводы которого были использованы, чтобы выделить необходимые для анализа сведения о лошадях в изобразительном искусстве. При этом труды, посвященные античным лошадям, не представляют для этой работы первостепенной важности. Дж. К. Андерсон, который дает в своей книге разностороннее и детальное описание древних пород, мастей и обсуждает другие темы, связанные с содержанием и использованием лошади, не ставит задачу описать отношение человека к этому животному.

Современные исследователи проследили определенные этапы эволюции отношения к животным в античной литературе, которые можно кратко представить следующим образом.

Раннее проникновение животных в литературу объясняется их постоянным присутствием в жизни древних.¹ Конечно, в значительной степени эти отношения были обусловлены экономическими причинами. Тем не менее, уже по произведениям Гомера видно, что греки с ранних пор проявляли к ним интерес, замечали их поведение и повадки.²

С самого начала в литературе есть свидетельства расположения к животным.³ Так, постаревший пес Аргус возбуждает жалость Эвмея (*Od.* XVII, 318–319), а когда, узнав хозяина, который «сам его выкормил» (290–293), из последних сил ползет к Одиссею, то вызывает у него слезы (301–305). Людоед Полифем трогательно привязан к своему барану, по отношению к нему демонстрирует эмоции, которые присущи человеку, ищет сочувствия и верит, что животное способно ответить ему взаимностью (*Od.* IX, 446–457).

Ранние источники ожидаемо несвободны от антропоцентрического подхода к вопросу об отношениях человека и животного. Мыслители подчеркивают, что человека отличает разумное начало, и, в частности, способность к справедливости (*Hes. Op.* 274–280). Однако уже Эмпедокл говорит о наличии разума у всего живого, не выделяя людей (*fr.* 103 DK).

Толчок к изучению животных на научном и психологическом уровне, разницы и схожести человека и животного, дал Аристотель и перипатетики.

¹ Lonsdale 1979, 147.

² Bodson 1983, 316.

³ Lilja 1974, 71.

Идея о том, что убийство домашних животных несправедливо из-за схожести их душевных качеств с человеческими, появилась в IV веке у Феофраста.⁴

Большинство свидетельств приходится на первые три века нашей эры. В этот период идеи, превалировавшие в античной антропологии в прошлые века, стали пересматриваться.⁵ Авторы римского времени начинают задаваться вопросом о правах животных. Плутарх, правда, не выходит за пределы умозрительных рассуждений, и по примерам, которые он приводит, видно, что речь идет об отдельных казусах, представляющих интерес для его читателей.⁶ Однако он упоминает о судебных разбирательствах из-за плохого обращения с животными (*De esu carn.* 996 A 11): афинского гражданина осудили за то, что он содрал кожу с живого барана. Помимо этого, Плутарх выражает неодобрение Катону, который бессердечно продал свою лошадь после долгих лет, которые она ему прослужила (*Cato major* 5, 5). Плиний Старший (*NH.* VIII, 180) рассказывает, что некогда римского гражданина осудили и сослали за убийство быка, «словно за убийство своего колона». Хотя свидетельства, которые подчеркивают право животного на хорошее обращение, дошли до нас в очень небольшом количестве, из контекста видно, что не отдельные чудачки и оригиналы, а общество в целом демонстрирует отрицательное отношение к жестокому обращению с животными и требует наказания за него.

В античной литературе нелегко найти пассажи, центральной темой которых была бы любовь человека к животному, при этом описываемая не только подробно, но и сочувственно. Речь идет чаще всего об извращениях власть имущих: патологическая страсть Семирамиды к коню (Plin. *NH* VIII, 155; Hygin. *Fab.* 243); не менее патологическое, хотя и по-иному, отношение безумца Калигулы к коню Инцитату (*Suet. Calig.* 55, см. ниже с.13). Зато не раз встречаются пассажи, описывающие преданную любовь животного к че-

⁴ Bodson 1983, 314; 318.

⁵ Bodson 1983, 312.

⁶ Bodson 1983, 314.

ловеку. Так, Плутарх рассказывает о собаке Ксантиппа, отца Перикла, которая плыла за хозяином, когда тот покидал на корабле Афины во время эвакуации в 480 г, и упала замертво, доплыв до Саламина (*Themist.* 10, 9–10). Априан в «Кинегетике» (V, 6; XVIII, 1) повествует о собаке Ксенофонта Горме (Ὁρμή) и о радости, которую проявляет собака при виде хозяина; при этом ответные эмоции и чувства человека не выставлены и лишь предполагаются. Корхонен высказывает идею, что причина может крыться в том, что не было принято любить животных слишком сильно.⁷ Эта идея кажется странной и необоснованной: литературные свидетельства демонстрируют скорее обратное. Описания преданности домашних питомцев следует рассматривать как проявление эмпатии.⁸ Для того чтобы подобным образом описывать эмоции животных, нужно, во-первых, уметь поставить себя на их место, а во-вторых – допускать их способность разделять с человеком один спектр эмоций.

При том что очень многие ученые занимались анализом античных источников о животных, исследования по этой теме обычно не концентрируются на конкретном животном и, таким образом, содержат самые общие выводы (исключение составляют собаки). Кроме того, очень редко в задачу исследователя входит трактовка отношений между человеком и животным, а, если такая цель и ставится, то речь почти всегда идет о животном мире в целом. При этом нет работ, которые бы содержали исследование, сконцентрированное на эмоциональном отношении к одному из самых близких спутников человека – к лошади.

Эта работа посвящена оценке отношения античного человека к лошади. Для этого, в частности, необходимо выполнить следующие задачи:

– Собрать литературные свидетельства об отношении людей к лошадям в целом и детально их проанализировать.

⁷ Korhonen, Ruonakoski 2017, 4.

⁸ Korhonen, Ruonakoski 2017, 4.

- Рассмотреть литературные источники, в которых лошадям приписывали человеческие добродетели.
- Охарактеризовать роль лошади в художественных произведениях Ксенофонта и показать отношение автора к этому животному.
- Дать детальный технический комментарий к трактатам о верховой езде Симона и Ксенофонта и на основе анализа их методов показать чувства, испытываемые образцовым античным всадником к своей лошади.
- Собрать и проанализировать античные источники, которые описывают образ Букефала – коня Александра Македонского, и воссоздать, насколько это возможно, исторический облик коня.
- Собрать и проанализировать античные источники про любовь конкретных людей к своим лошадям.

Глава 1

Отношение человека к лошади

1.1. Особенное положение лошади по отношению к человеку

Нет никакого сомнения, что самое близкое место к человеку из всех животных занимали лошади и собаки. Их общая черта – постоянное взаимодействие с хозяином, так как они постоянно находятся рядом с человеком.

Сохранилось больше свидетельств привязанности к собаке, однако это легко объяснить большей доступностью этого животного как питомца: собаку было дешевле купить, кормить и содержать; к тому же, она выполняла функцию охранника, то есть была полезна любому, у кого есть дом. Меньшее количество свидетельств о лошадях, очевидно, объясняется дороговизной животного и его содержания, то есть тем, что количество людей, имевших лошадь, было объективно меньше. Кроме того, обучить лошадь несравнимо сложнее. Это многолетний, очень кропотливый и тонкий процесс, который требует большого опыта, безграничного терпения, знания повадок и психологии животного. Сторожевую собаку может воспитать любой человек, приложив к этому некоторое усилие, даже если опыт невелик или его нет совсем. Для того же, чтобы воспитать и выездить лошадь, требуется профессионализм хозяина (или же специально обученный человек) и большие деньги.

Большую роль в процессе формирования психологической близости между лошадью и ее всадником играет необходимость заезжать лошадь и тренировать ее на протяжении всего того времени, что всадник и лошадь находятся вместе.

Помимо того, что, вложив в лошадь несоизмеримо больше усилий, времени и средств, всадник начинает внимательней относиться к своему подопечному, есть еще одна черта, которая психологически приближает лошадь к человеку и возвышает ее над собакой – непринятие насилия. Собака повинуетеся силе,

она служит человеку. Лошадь же – сотрудничает. Мы можем заметить, что античные авторы, даже те, которые не ставили себе цель описать взаимоотношение человека и лошади, осознавали этот важный момент. Так, показательно употребление Вергилием прилагательного *blandus* при описании человека, обучающего лошадь (*Georg.* III, 185):

tum magis atque magis blandis gaudere magistri
laudibus et plausae sonitum ceruicis amare.

Тогда больше и больше он (конь) радуется похвалам ласкового учителя и любит звук, который раздается, когда его хлопают по шее.

Ту же мысль можно увидеть у Сенеки, который явно осознавал, что лучший способ справиться со сложной лошастью – проявить спокойствие и такт (*De clem.* I, 24):

et ut generosi ac nobiles equi melius facili freno reguntur, ita ...

И как породистые и родовитые лошади лучше управляются легкой рукой, так ...

1.2. Сферы проявления любви к лошадям

В мифологии, как и в жизни, лошади сопутствуют многим персонажам, однако это обстоятельство едва ли может иллюстрировать личные чувства и привязанность, которую испытывали люди к лошадям. Здесь лошади скорее выполняют привычную для них функцию транспортного средства, а их божественные качества напрямую связаны с божественностью их хозяев.⁹

⁹ Про место лошадей в мифологии см. подробнее: Keller 1909, 246–247.

Уже в самых ранних памятниках литературы герои выражают симпатию к лошадям и проявляют о них заботу. Так, Пандар в «Илиаде» признается, что ему было бы сподручнее воевать на колеснице, но он оставил своих коней дома, чтобы животным не пришлось терпеть тяготы походной жизни и осады (Hom. II. 201–203):

ἀλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην· ἦ τ' ἄν πολὺ κέρδιον ἦεν·
ἵππων φειδόμενος, μή μοι δευοίατο φορβῆς
ἀνδρῶν εἰλομένων εἰωθότες ἔδμεναι ἄδην.
ὧς λίπον, αὐτὰρ πεζὸς ἐς Ἴλιον εἰλήλουθα
τόξοισιν πίσυρος·

Но я не послушался (отца) – а на самом деле это было бы много полезнее, – щадя лошадей, чтобы они, привыкшие есть досыта, не испытывали у меня недостатка в корме, когда люди (граждане Трои) заперты. Так, оставив (их), я пришел пешим в Илион, положившись на стрелы.

Для Пандара лошади не являются лишь средством передвижения или военным оружием. Он, очевидно, заботится об их благосостоянии настолько сильно, что готов поставить себя в более уязвимое положение, но оставить животных в комфортных условиях, в которых они привыкли жить. Можно даже сказать, что герой уже обладает и способностью к эмпатии, ведь он аргументирует свое решение не просто тем, что лошадям будет нечего есть, а тем, что их не будут кормить так, как они, лошади, привыкли.

1.3. Конные ристалища и персонализированное отношение к лошади

Конные ристалища занимали важное место в жизни как греков, так и римлян, и многие античные свидетельства касаются именно этой сферы. Так, мы зна-

ем очень много лошадиных имен – около 400 (значительно больше, чем собачьих), и подавляющее их большинство – это имена фаворитов скачек.¹⁰

Необходимо заметить, что пристрастное отношение к лошадям-победителям не исключает любви к ним, но и не подтверждает этого чувства. Тем не менее, к ним явно относились трепетно как минимум потому, что они приносили владельцу большую славу и служили доказательством благосклонности к нему богов.

Парадокс конных состязаний на панэллинских играх состоит в том, что победителями провозглашались владельцы лошадей, которые сами не должны были ни ухаживать за ними, ни тренироваться, ни участвовать в скачках. Поэтому на играх могли побеждать даже женщины – первой такой победительницей Павсаний называет Киниску (III, 8, 1; 15, 1).

По всей вероятности, отношение к коням, участвующим в бегах, зависело главным образом от их успешности, так что нежность и благодарность к выигравшей лошади могла легко смениться злобой и досадой в случае проигрыша.

Пиндар в оде, посвященной колесничной победе Гиерона Сиракузского, пишет, что Гиерон «смирил кобылиц с пестрыми поводьями нежными руками» (*Pyth.* II, 8: ἀγαναῖσιν ἐν χερσὶ ποικιλάνιους ἐδάμασσε πόλους). Очевидно, что тиран Сиракуз не мог лично уделять много внимания подготовке своей упряжки к играм. Тем не менее, Пиндар приписывает своему клиенту, наряду с искусством в обращении с лошадьми, персональное проявление нежности к ним – а значит, эта деталь должна была понравиться самому Гиерону и выставить его в привлекательном свете перед слушателями эпиникия.

¹⁰ См. Keller 1909, 256–259.

Для римского времени одно из самых красноречивых – свидетельство Светония о страсти Калигулы к цирковому коню Инцитату (*Calig. 55*):

Incitato equo, cuius causa pridie circenses, ne inquietaretur, uiciniae silentium per milites indicere solebat, praeter equile marmoreum et praesaepe eburneum praeterque purpurea tegumenta ac monilia e gemmis domum etiam et familiam et supellectilem dedit, quo lautius nomine eius inuitati acciperentur; consulatum quoque traditur destinasse.

Чтобы его коню Инцитату не доставляли беспокойство за день до бегов, он обычно устанавливал тишину в округе при помощи стражи. Помимо конюшни из мрамора и кормушки из слоновой кости, пурпурной попоны и ожерелий из драгоценных камней, он даровал ему дворец с прислугой и убранством, где щедро принимали гостей, приглашенных от имени коня; он даже собирался назначить его консулом.

Психически неуравновешенный император, каким его изображает Светоний, воплощает доведенное до абсурда пристрастие болельщика к коню, выигрывавшему скачки. Очевидно, Калигула мало что понимал в уходе за лошадьми, так как все его милости, перечисленные в этом пассаже, едва ли могли в самом деле доставить удовольствие Инцитату.

1.4. Рассказы Плиния о замечательных качествах лошадей

Несколько пассажей о выдающемся уме лошадей передает Плиний Старший. В своем желании выставить лошадей в привлекательном свете он грешит явным преувеличением. Взяв за основу действительные качества лошадей, такие как преданность хозяину и сообразительность, он в своем описании доходит до неправдоподобной крайности.

NH VIII, 159:

Ingenia eorum inenarrabilia. iaculantes obsequia experiuntur difficiles conatus corpore ipso nisuque iuvantium; item tela humi collecta equiti porrigunt.

Способности лошадей невозможно перечислить. Метаящие копья на собственном опыте знают о верности лошадей, которые помогают усилиями своего тела в сложных движениях. Также лошади, собирая стрелы/дротики, подают их всаднику.

Если еще можно представить, что лошадь способна взаимодействовать с постоянно меняющимся «в сложных движениях» центром тяжести всадника, то собирание с земли стрел, особенно на ходу, кажется гораздо менее реалистичным. Преувеличенным кажется и описание лошадиной преданности.

NH VIII, 157:

<i>idem praesagiunt pugnam et amissos lugent dominos: lacrimas interdum desiderio fundunt. Interfecto Nicomede rege equus eius inedia vitam finivit.

Лошади также предчувствуют сражения и скорбят о погибшем хозяине. Даже плачут от тоски. Когда был убит царь Никомед, его конь умер от того, что перестал есть.

Лошади действительно привязываются к хозяину, способны скучать по нему и радоваться встрече, но все-таки не могут испытывать настолько сильную тоску. Еще менее правдоподобным этот пассаж кажется при сопоставлении с местом из Гомера, откуда, вероятно, и был взят этот сказочный сюжет.

Il. XVII, 426:

ἵπποι δ' Αἰακίδαο μάχης ἀπάνευθεν ἔόντες
 κλαῖον, ἐπεὶ δὴ πρῶτα πυθέσθην ἡνιόχοιο
 ἐν κονίησι πεσόντος ὑφ' Ἑκτορος ἀνδροφόνοιο.

А лошади Эакида в стороне от битвы плакали, лишь только увидели возницу, упавшего в песок, (пораженного) Гектором-мужеубийцей.

Такое же недоверие вызывает описание лошадей, мстящих за смерть своих хозяев.

NH VIII, 156:

Scythici quidem equitatus equorum gloria strepunt: occiso regulo ex provocatione dimicante hostem, cum ad spoliandum venisset, ab equo eius ictibus morsuque confectum.

Скифская кавалерия гремит славой своих лошадей. Когда вождь, вызванный на бой, был убит, и враг подошел, чтобы снять с него доспехи, то конь царя убил врага, кусая его и нанося удары.

Описанная ситуация не совсем фантастична. Вполне можно представить лошадь, которая старается защитить своего хозяина (в обычной жизни это, как правило, вызвано ревностью). Однако лошадь едва ли способна намеренно убить человека. Жертва по своей природе, она предпочитает убегать, как только встретит сопротивление. Это замечание уместно и для следующего фрагмента.

NH VIII, 158:

P<h>ylarc<h>us refert Centaretum e Galatis, in proelio occiso Antiocho, potitum equo eius conscendisse ovantem, at illum indignatione accensum domitis frenis, ne regi posset, praecipitem in abrupta isse exanimatumque una.

Филарх передает, что, когда Антиох погиб в сражении, галл Центарет захватил его коня, сел на него, совершая триумфальное шествие, а конь, восплаив негодованием, закусил удила, чтобы галл не смог им управлять, и кинулся с обрыва, убив и себя, и всадника.

В данном пассаже совершенна неправдоподобна причина неповиновения и финал истории. Лошадь действительно может проявить жесткое сопротивление, но только если почувствует боль, опасность или страх. Совершить суицид она также не способна – только сорваться с обрыва случайно, находясь в состоянии сильного нервного возбуждения.

Плиний также приписывает лошадям человеческие этические побуждения, которые они не способны проявлять по своей природе, так же как и кончать жизнь самоубийством.

NH VIII, 156:

... alium detracto oculorum operimento et cognito cum matre coitu petiisse praeupta atque exanimatum. ... namque et cognationum intellectus his est, atque in grege prioris anni sororem libentius etiam quam matrem equa comitatur.

Про другого коня говорят, что, когда с его глаз сняли покрывало и он понял, что покрыл мать, он покончил с собой, бросившись с обрыва. ... Ведь лошади осознают родство, и в стаде кобыла даже охотнее пойдет рядом с сестрой старше на год, чем с матерью.

При выведении породы активно практикуется близкородственное скрещивание. Здесь, очевидно, коню приписано человеческое мышление. Этим же грешит еще один пассаж, где поведение сбитых с толку лошадей описано так, словно бы они были благородными людьми.

NH. VIII, 160.

Claudi Caesaris saecularium ludorum circensibus, excusso in carceribus auriga albatu Corace, occupavere primatum, optinuere oppositos, effundentes omniaque contra aemulos, quae debuissent peritissimo auriga insistente, facientes, cum puderet hominum artes ab equis vinci, peracto legitimo cursu ad cretam steterunt.

На столетних играх цезаря Клавдия в цирке, когда возница партии белых Коракс был выбит на старте, они (лошади) сразу вырвались вперед, удержали противников позади себя, сбрасывая и делая против соперников все, что они должны были сделать под руководством опытейшего возницы, однако они устыдились, что они, лошади, побеждают, в деле людей и, проделав положенный путь, встали перед линией.

Нет ничего удивительного и благородного в том, что лошади стремились обогнать другие колесницы: любые лошади, если их пустить рядом и дать волю, будут стремиться обогнать друг друга. Остановку перед линией старта можно легко объяснить усталостью, потерей интереса к гонке и, в конце концов, простым совпадением, но никак не выдающимся благородством.

Плиний приводит еще две похожие истории как чудесные, и в очередной раз описывает нормальное поведение лошадей как проявление человеческой доблести.

NH VIII, 161:

maius augurium apud priscos plebeis circensibus excusso auriga ita, ut si staret, in Capitolium cucurrisset equos <a>edemque ter lustrasse; maximum vero eodem pervenisse a <V>eis cum palma et corona, effuso Ratumenna qui ibi vicerat, unde postea nomen portae est.

Большее чудо случилось встарь, во время плебейских цирковых ристалищ. Когда возница был сброшен его лошади, словно он еще находился на месте, прискакали к Капитолию и обегали его три раза. Самое удивительное, однако, было, когда туда прибыла <упряжка лошадей> из Вейев с пальмовой ветвью и венком, хотя Ратуменна, который там победил, был сброшен. Отсюда впоследствии ворота получили название.

Оба случая можно объяснить банальным испугом лошадей, которые, оставшись без управления, продолжили бежать по дороге. Как уже было сказано, лошади, испугавшись, предпочитают убежать, а куда – им не особенно важно.

1.5. Отношение к лошадям у Симона и Ксенофонта

Трактаты о верховой езде профессионалов – Симона и Ксенофонта – очень важны при анализе отношения к лошади в античности, так как в них описан общепринятый подход к выезде и заданы основные принципы и техники верховой езды. Подобные свидетельства показательны, потому что они подтверждают предположение о тесной психологической связи между лошастью и человеком. Для Ксенофонта и Симона, которые на протяжении всей античности оставались образцами для авторов, писавших трактаты о лошадях и верховой езде,¹¹ очень важна идея о сотрудничестве всадника и лошади.

¹¹ Подробнее о рецепции в античности трактатов Симона и Ксенофонта см: Oder 1896a, 56–57; Oder 1896b, 14–17; 20.

Перед тем, как разбирать технические трактаты, представляется нужным проследить, какое место лошадь занимала в мире Ксенофонта, анализируя упоминания об этом животном в других трудах автора, не посвященных специально верховой езде.

1.5.1. Лошади в «художественных» произведениях Ксенофонта

Ксенофонт оставил нам прямое свидетельство его собственной любви к лошадям, которая не оставалась незамеченной его друзьями (*Anab.* VII, 8, 6):

Καὶ ταύτῃ τῇ ἡμέρᾳ ἀφικνεῖται Βίων καὶ Ναυσικλείδης χρήματα δώσοντες τῷ στρατεύματι, καὶ ξενοῦνται τῷ Ξενοφῶντι καὶ ἵππον ὃν ἐν Λαμψάκῳ ἀπέδοτο πεντήκοντα δαρεικῶν, ὑποπτεύοντες αὐτὸν δι' ἔνδειαν πεπρακέναι, ὅτι ἤκουον αὐτὸν ἠδεσθαι τῷ ἵππῳ, λυσάμενοι ἀπέδοσαν καὶ τὴν τιμὴν οὐκ ἤθελον ἀπολαβεῖν.

В этот же день прибыли Бион и Навсиклид, чтобы дать войску деньги, и пригласили Ксенофонта в гости и, подозревая, что Ксенофонт продал в Лампсаке коня за 50 дариков из-за нужды в деньгах, выкупили коня и возвратили ему, отказавшись принимать плату, ведь они слышали, как Ксенофонт любит своего коня.

В «Киропедии» отношение человека и лошади описаны как симбиоз. Произнося речь о пользе верховой езды, Кир воплощает перед своими слушателями мечту об идеальном соединении коня и всадника в образе гиппокентавра. Этот образ – исключительно литературно-философский, он не имеет ничего общего с обычным мифологическим представлением о кентаврах как грубых, необузданных и опасных существах, воплощении низменных страстей и варварства. Кир с восхищением и даже с завистью рассказывает о гиппокентаврах (*Xen. Cyr.* IV, 3, 17).

ὧν δὲ δὴ μάλιστα δοκῶ ζῶων, ἔφη, ἐζηλωκέναι ἵπποκενταύρους, εἰ ἐγένοντο ὥστε προβουλεύεσθαι μὲν ἀνθρώπου φρονήσει, ταῖς δὲ χερσὶ τὸ δέον παλαμᾶσθαι, ἵππου δὲ τάχος ἔχειν καὶ ἰσχύν, ὥστε τὸ μὲν φεῦγον αἰρεῖν, τὸ δ' ὑπομένον ἀνατρέπειν, οὐκ οὐν πάντα καὶ γὰρ ταῦτα ἵππεὺς γενόμενος συγκομίζομαι πρὸς ἑμαυτόν;

Кажется, что из всех животных, сказал он, я больше всего завидую гиппо-кентаврам, если они рождались такими, что могли мыслить подобно человеку, руками делать необходимые вещи, но обладали быстротой и силой лошади, чтобы поймать убегающего и обратить в бегство наступающего. Разве и я, став всадником, не приобрету для себя все это?

В рассуждении Кира о гиппокентаврах речь идет о способности всадника и лошади чувствовать друг друга настолько тонко, чтобы словно представлять из себя единый организм, в котором нет места насилию и недопониманию – лишь сотрудничеству и взаимному уважению. И лошадь, и всадник должны признать, что, превосходя одним, они уступают своему партнеру в другом, и что, достигнув полного согласия, они способны стать чем-то большим, чем прежде.

Картина внутреннего преобразования преодолевает у Ксенофонта границы тела. Образ лошади Кир связывает с образом птицы, а всадника, тем самым, наделяется крыльями. Метафора полета, скорости и стремительности переплетается с ощущением духовной окрыленности (Cyr. IV, 3, 15):

Ἀλλ' ἐγὼ μὲν, ἔφη, οὕτως ἐπιθυμῶ ἵππεύειν μαθεῖν ὡς νομίζω, ἣν ἵππεὺς γένωμαι, ἄνθρωπος πτηνὸς ἔσεσθαι.

Но я, сказал он, так сильно хочу научиться ездить верхом, что, мне кажется, если я стану всадником, то стану человеком с крыльями.

Связь лошади и птицы как образ не нова. Она кажется вполне привычной для читателя.¹² Уже у Геродота (IV, 132) Дарий сравнивает лошадь и птицу (ὄρνις δὲ μάλιστα ἔοικε ἵπῳ). За основу сравнения, вероятно, взята стремительность обоих. Ксенофонт же перерабатывает и дополняет эту аналогию, адаптируя ее к своему видению мира и ощущению лошади. Кир использует выражение ἄνθρωπος πτηνός, тем самым обозначая, что обладателем крыльев является именно всадник: он не пользуется «крыльями» лошади, а сам приобретает их, оказываясь верхом.

Ксенофонт наделяет Кира тем интересом к лошадям, каким, вероятно, обладал сам. Рассуждая о создании конницы и о том, что для этого необходимо, Кир делает акцент на сложности ремесла наездника, признавая, что квалифицированные всадники – обязательное составляющее успешной конницы (Cyr. IV, 3, 10–11):

τί δὴ τὸ λοιπόν; δῆλον ὅτι ἀνδρῶν δεῖ. οὐκοῦν τοῦτο μάλιστα ἔχομεν· οὐδὲν γὰρ οὕτως ἡμέτερόν ἐστιν ὥς ἡμεῖς ἡμῖν αὐτοῖς. ἀλλ' ἐρεῖ τις ἴσως ὅτι οὐκ ἐπιστάμεθα. μὰ Δί' οὐδὲ γὰρ τούτων τῶν ἐπισταμένων νῦν πρὶν μαθεῖν οὐδεὶς ἠπίστατο. ἀλλ' εἶποι ἂν τις ὅτι παῖδες ὄντες ἐμάνθανον. καὶ πότερα παῖδές εἰσι φρονιμώτεροι ὥστε μαθεῖν τὰ φραζόμενα καὶ δεικνύμενα ἢ ἄνδρες;

Ну и что же остается? Ясно, что нужны люди. Их-то у нас в избытке, ведь ничем мы не владеем в такой мере, как самими собой. Но, может быть, кто-то скажет, что мы не умеем (ездить верхом). Но, клянусь Зевсом, никто из владеющих этим мастерством не умел, пока не научился. Кто-то, пожалуй, скажет, что они стали учиться еще детьми. Но неужели мы в детстве более способны воспринимать те вещи, которые нам рассказывают и показывают, чем будучи взрослыми?

¹² L'Allier 2002, 130.

Кир рассуждает вполне справедливо: взрослый действительно способен выучиться верховой езде, не занимаясь ей с детства, однако показателен уже сам факт того, что эта тема затронута. Кир ожидает встретить этот аргумент и заранее приводит доводы в пользу своего предложения. Как близкий к верховой езде и лошадям человек, Ксенофонт понимает достоинства раннего знакомства с искусством выездки лошадей. Верховая езда здесь – не просто занятие, а конница – не просто вид войск. Это тонкое ремесло, искусство, в котором человек совершенствуется всю жизнь. Неудивительно, что Кир у Ксенофонта, образец самообладания и сдержанности,¹³ в этом вопросе проявляет энтузиазм и еще в детстве неустанно практикует верховую езду, посвящая ей не меньше времени, чем остальным занятиям, необходимым для воспитания будущего царя (*Cyr.* I, 4, 5):

ὥς δ' οὐκ ἀπεδίδρασκεν ἐκ τοῦ ἡττᾶσθαι εἰς τὸ μὴ ποιεῖν ὃ ἡττῶτο, ἀλλ'
ἐκαλινδεῖτο ἐν τῷ πειρᾶσθαι αὖθις βέλτιον ποιεῖν, ταχὺ μὲν εἰς τὸ ἴσον ἀφίκετο τῇ
ἱππικῇ τοῖς ἡλίξι, ταχὺ δὲ παρήει διὰ τὸ ἐρᾶν τοῦ ἔργου

А так как он не избегал поражений, не делая то, что делал хуже, но проводил время в попытках улучшить свои навыки, то он быстро сравнялся со своими сверстниками в искусстве верховой езды и быстро превзошел их благодаря своему трудолюбию.

Такое же трепетное отношение к лошадям проявляется и в другом произведении Ксенофонта. Обыгрывание имени жены Сократа в «Пире» (Ксантиппа – «светлая кобыла») и сравнение женщины с лошадыю не призвано принизить женскую природу (*Xen. Symp.* II, 9):

¹³ L'Allier 2002, 129.

καὶ ὁ Σωκράτης εἶπεν· Ἐν πολλοῖς μέν, ὧ ἄνδρες, καὶ ἄλλοις δῆλον καὶ ἐν οἷς δ' ἡ παῖς ποιεῖ ὅτι ἡ γυναικεία φύσις οὐδὲν χείρων τῆς τοῦ ἀνδρὸς οὔσα τυγχάνει, γνώμης δὲ καὶ ἰσχύος δεῖται. ὥστε εἴ τις ὑμῶν γυναῖκα ἔχει, θαρρῶν διδασκέτω ὅτι βούλοιτ' ἂν αὐτῇ ἐπισταμένη χρῆσθαι. καὶ ὁ Ἀντισθένης, Πῶς οὖν, ἔφη, ὧ Σώκρατες, οὕτω γινώσκων οὐ καὶ σὺ παιδεύεις Ξανθίππην, ἀλλὰ χρῆ γυναικὶ τῶν οὐσῶν, οἶμαι δὲ καὶ τῶν γεγενημένων καὶ τῶν ἐσομένων χαλεπωτάτῃ; Ὅτι, ἔφη, ὁρῶ καὶ τοὺς ἵππικους βουλομένους γενέσθαι οὐ τοὺς εὐπειθεστάτους ἀλλὰ τοὺς θυμοειδεῖς ἵππους κτωμένους. νομίζουσι γάρ, ἂν τοὺς τοιούτους δύνωνται κατέχειν, ῥαδίως τοῖς γε ἄλλοις ἵπποις χρήσεσθαι. καγὼ δὲ βουλόμενος ἀνθρώποις χρῆσθαι καὶ ὁμιλεῖν ταύτην κέκτημαι, εὖ εἰδὼς ὅτι εἰ ταύτην ὑποίσω, ῥαδίως τοῖς γε ἄλλοις ἅπασιν ἀνθρώποις συνέσομαι.

И Сократ сказал: «По многому другому, друзья, как и по тому, что делает эта рабыня, ясно, что женская природа ничуть не хуже мужской, но случилось так, что ей не хватает силы и способности рассуждать. Так что, если у кого-то из вас есть жена, пусть он скорее ее учит тому, что бы хотел, чтобы она знала». Антисфен сказал: «Как ты, Сократ, рассуждая подобным образом, не воспитываешь Ксантиппу, но живешь с женщиной с самым сложным характером из всех тех, что есть, были и будут?» Сократ сказал: «Потому что я вижу, что те, кто желает стать наездниками, приобретают не самых послушных, но норовистых лошадей. Ведь они считают, что если смогут с ними справиться, то легко найдут общий язык и с другими лошадьми. Так и я, желая уметь находить подход к людям, взял ее с уверенностью, что, если я уживусь с ней, то легко уживусь и со всеми остальными людьми.

По уже приведенным свидетельствам видно, что лошадь для Ксенофонта — это животное, позволяющее человеку воплотиться в своем лучшем виде. Таким образом, в этом пассаже Сократ у Ксенофонта не сравнивает жену с животным, которое надо укротить, но предлагает проявить к жене такое же терпение и усердие, какие хороший всадник использует при работе с лошадью.

Следующая фраза расширяет мысль: отношения с любым человеком, с которым приходится иметь дело, должны основываться на терпении и взаимном согласии. Неудивительно, что Ксенофонт вспоминает о лошади, предлагая уместное и очень точное сравнение, которое, может быть, не сразу удастся разгадать человеку, далекому от лошадей.

1.5.2. Отношение к лошади в специальных трактатах Симона и Ксенофонта

Отношение человека к лошади отражают не только художественные литературные произведения, но и специализированные трактаты о лошадях и верховой езде. Описываемые методы и требования к лошади и всаднику дают возможность реконструировать процесс заездки лошади и дальнейший процесс ее выездки. Это, в свою очередь, позволяет судить о методах, которые применялись к лошади, и об отношениях этого животного с человеком.

Руководствуясь хронологическим порядком, стоит начать анализ с трактата Симона Афинского.¹⁴ Симон служил для Ксенофонта, как последний сам общается (Xen. *De re equ.* I, 1), важным источником.

От трактата Симона, написанного в конце V в до н.э.,¹⁵ до нас дошли несколько фрагментов, самый большой, озаглавленный *περὶ εἶδους καὶ ἐπιλογῆς ἵππων* (возможно, в виде краткого конспекта) – в ветеринарной византийской энциклопедии X в. н.э. *Corpus Hippiatricorum graecorum*.¹⁶ В основном в дошедшем тексте речь идет об экстерьере, однако некоторые описания и замечания, сделанные автором по ходу дела, дают возможность судить о технике выездки и о подходе всадника к лошади. Так, показательны рекомендации Симона относительно положения ног и шеи лошади (Sim. 6):

¹⁴ Полный текст фрагментов трактата и его перевод на русский см: Петрова 2020, 24–31.

¹⁵ О датировке см.: Petrova 2020, 216.

¹⁶ Подробнее о Симоне и о его труде см: Петрова 2020, 9–23.

Τὴν δὲ διάστασιν τοῖν σκελοῖν ἐχέτω ὡς μεγίστην, ὑπάρξει γὰρ αὐτῷ διὰ πλείστου τὰ σκέλη ῥίπτειν.

Ноги у лошади должны быть поставлены как можно шире: в этом случае она будет выносить их с бóльшей амплитудой.

Описана манера движения лошади, которая и сегодня считается «правильной» (Илл. 1.1). Если лошадь поднимает передние ноги с амплитудой, то есть достаточно высоко и размеренно, то необходимо предположить, что задние ноги будут подниматься ровно на такую же высоту, образуя четыре параллельных линии.

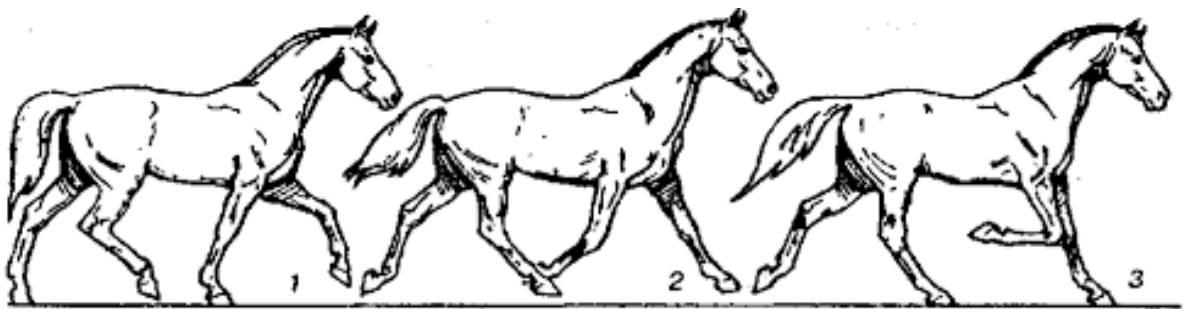

Схема движения лошади на рыси (1—3 — последовательность перемещения конечностей)

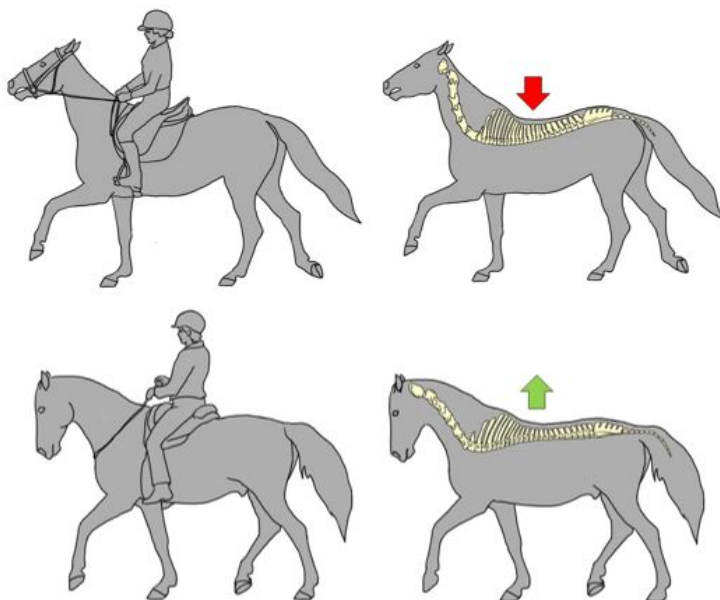
Илл. 1.1. Схема движения лошади на рыси

Ксенофонт говорит о том же (De re equ. I, 7–8):

καὶ μὴν στέρνα πλατύτερα ὄντα καὶ πρὸς κάλλος καὶ πρὸς ἰσχὺν καὶ πρὸς τὸ μὴ ἐπαλλάξ ἀλλὰ διὰ πολλοῦ τὰ σκέλη φέρειν εὐφρέστερα.

Широкая грудь служит для красоты, силы и для того, чтобы лошадь не задевала передними ногами друг за друга, а, наоборот, выносила их как можно грациознее.

Такой результат возможен лишь тогда, когда шея лошади находится в таком положении, что, не создавая блока из-за зажима мышц, она словно уравнивает активную работу задних ног (Илл. 1.2).

Илл. 1.2. Положение шеи лошади. Правильный вариант – снизу

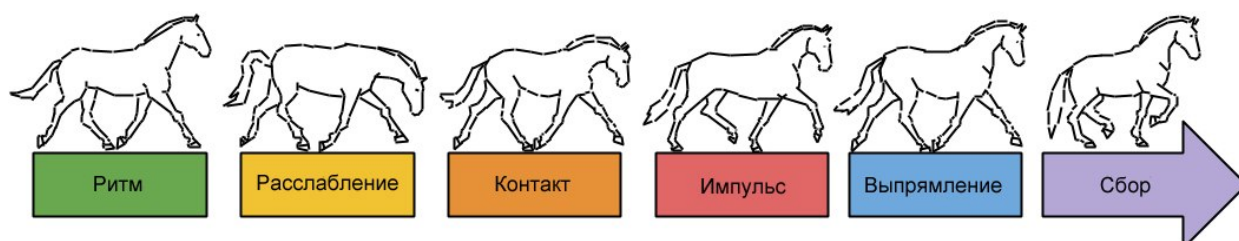
Симон, несомненно, осознавал этот механизм, потому что практически сразу после замечания о манере движения он дает указания по поводу положения шеи (Sim. 6):

... Τὸν <δὲ> αὐχένα καὶ τὴν προτομήν ὀρθὰ ἐχέτω, μὴ τὴν ἔκφυσιν ἀνάσιμον.

Шея должна быть поставлена высоко и прямо, затылок – не завален.

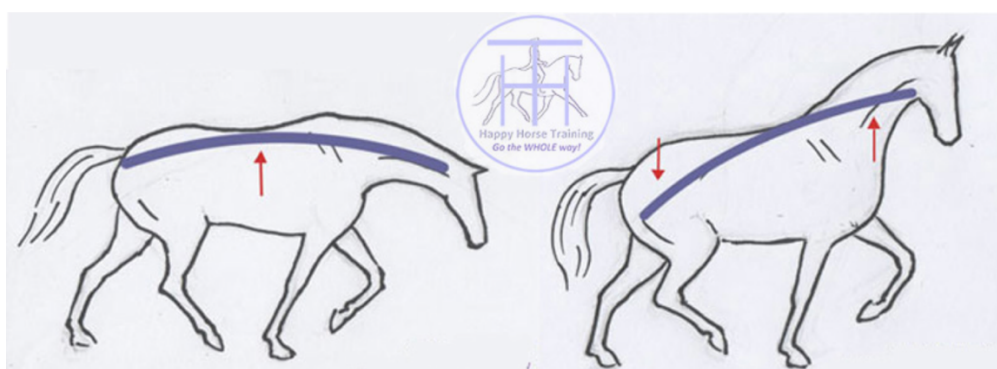
Этот комментарий дополняет предыдущие указания и подтверждает, что Симон заботился не только о внешней красоте, но и о гармоничном движении

лошади. Описанное положение шеи является желаемым при рассматриваемой манере движения по той причине, что оно естественно. Из-за своих физических характеристик лошадь, находящаяся «в сборе» (Илл. 1.3), не может держать шею опущенной.

Илл. 1.3. Поэтапное движение к «сбору»

В противном случае, вытянувшись, лошадь не будет способна сохранять в задних ногах достаточный импульс. Активное движение задних ног, в свою очередь, позволяет лошади сместить вес собственного тела и вес всадника к задним ногам, смещая центр тяжести (Илл. 1.4). Такое положение дает лошади возможность «разгрузить» переднюю часть тела, и, таким образом, вынесение вперед и вверх передних ног становится возможным.

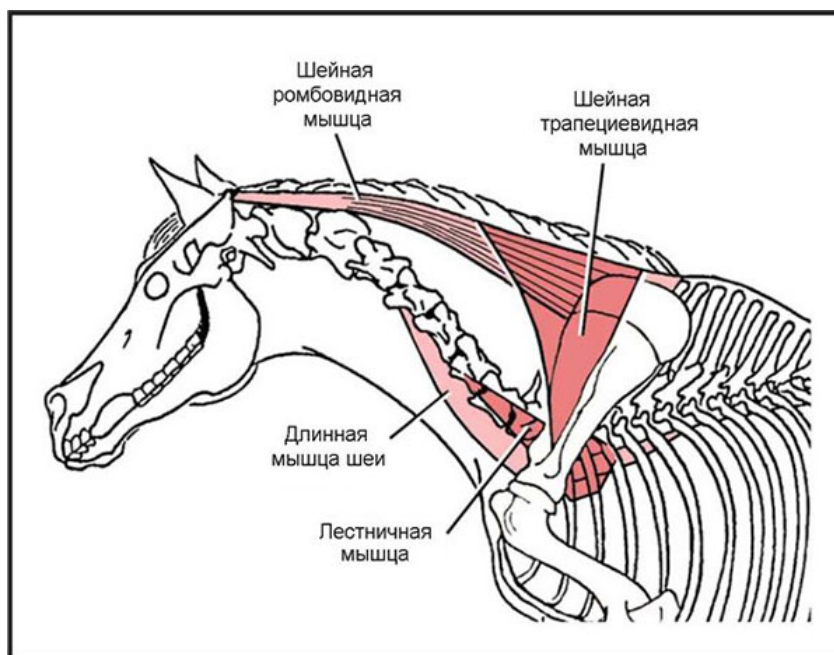
Илл. 1.4. Разница между расслабленной (слева) и собранной (справа) лошадью.

Описанный процесс возможен лишь в том случае, когда лошадь соглашается нести вес собственной шеи и головы самостоятельно. Симон учитывает и этот момент (ibid. 7):

Καὶ τὴν κεφαλὴν προαγέτω δὴ καὶ μὴ βραχὺς ἔστω ὁ αὐχὴν, τὴν δὲ
κορυφὴν ὑψηλὴν ἔχέτω

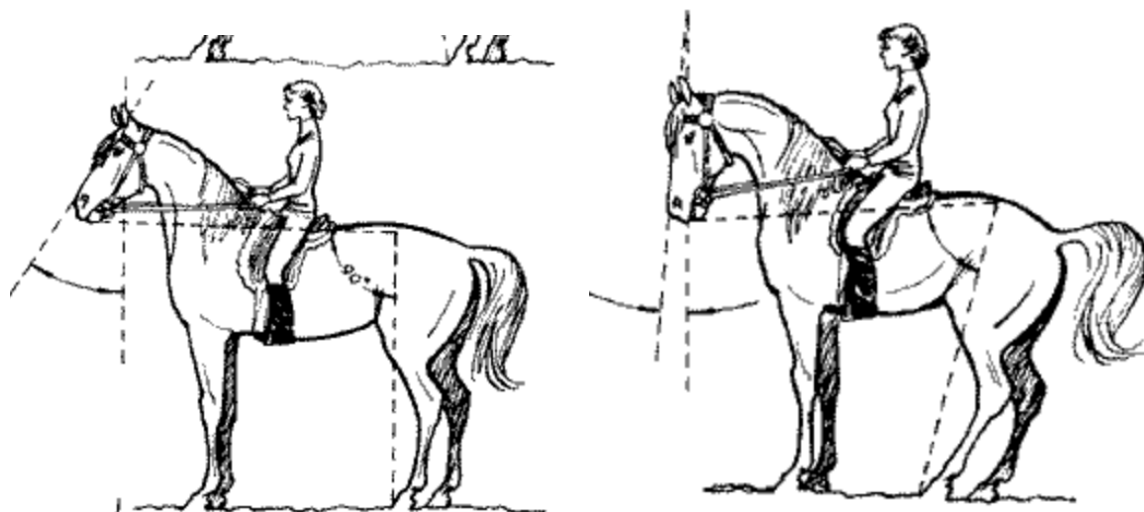
Голову лошадь должна нести перед собой, шея не должна быть короткой, затылок лошадь должна держать высоко

Итак, лошадь, правильно распределяющая вес при движении, обязательно должна держать вес шеи и головы самостоятельно. Что касается длины шеи, речь, вероятно, идет не о физических исходных данных (хотя стоит признать, что лошади с длинной шеей выглядят красивее), а о положении шеи относительно корпуса. Лошадь способна округлить шею, лишь не напрягая нижнюю длинную мышцу (Илл. 1.5).

Илл. 1.5. Строение шеи лошади

Это возможно тогда, когда активно работают задние ноги, из-за чего создается «проводимость» импульса через весь корпус. Это происходит естественным образом из-за того, что центр тяжести смещен чуть назад (Илл. 1.6).

Илл. 1.6. Смещение центра тяжести назад при правильном положении шеи «в сборе» (справа)

Ксенофонт, как и Симон, уделяет внимание положению шеи (*De re equi*. I, 8–9):

οὕτως ὁ μὲν τράχηλος πρὸ τοῦ ἀναβάτου ἂν εἴη, τὸ δὲ ὄμμα <τὰ> πρὸ τῶν ποδῶν ὀρώη. καὶ βιάζεσθαι δὲ ἥκιστ' ἂν δύναίτο ὁ τοιοῦτον σχῆμα ἔχων καὶ εἰ πάνυ θυμοειδὴς εἴη· οὐ γὰρ ἐγκάμπτοντες ἀλλ' ἐκτείνοντες τὸν τράχηλον καὶ τὴν κεφαλὴν βιάζεσθαι οἱ ἵπποι ἐπιχειροῦσι.

Таким образом, шея пусть будет перед всадником, а глаза пусть смотрят перед ногами. В таком положении даже очень норовистая лошадь сможет, пожалуй, сопротивляться меньше всего. Ведь лошади пытаются сопротивляться, не сгибая шею и голову, а вытягивая их.

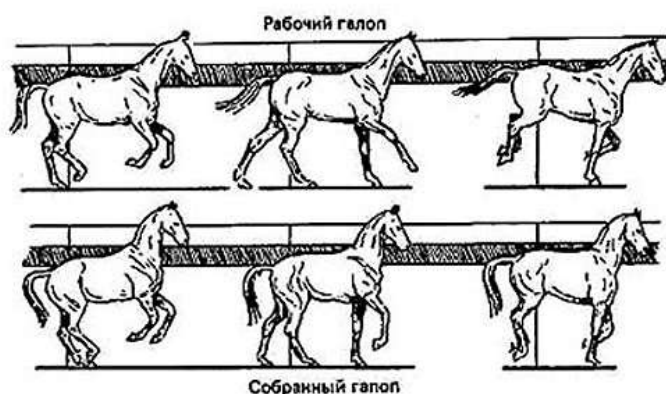
Ксенофонт повторяет совет Симона, однако делает важное дополнение. Та манера езды, которую описывают оба автора, не вызывает у лошади сопро-

тивления. «Сбор», предполагающий округленную приподнятую шею, не доставляет животному неудобств, скорее наоборот, хорошо обученная лошадь будет сама к нему стремиться, ведь именно в этом положении всадник может отдавать команды, воздействуя на лошадь с наименьшей интенсивностью. В такой ситуации вероятность для лошади почувствовать неудобство и дискомфорт сводится к минимуму (*De re equi*. X, 3–4):

ἐὰν δέ τις διδάξῃ τὸν ἵππον ἐν χαλαρῷ μὲν τῷ χαλινῷ ἵππεύειν, ἄνω δὲ τὸν αὐχένα αἴρειν, ἀπὸ δὲ τῆς κεφαλῆς κυρτοῦσθαι, οὕτως ἂν ἀπεργάζοιτο ποιεῖν τὸν ἵππον οἷοις περ καὶ αὐτὸς ἥδεταί τε καὶ ἀγάλλεται.

Если лошадь научат ехать от мягкой руки, поднимать шею вверх, округлять ее от головы, то, таким образом, ей предлагают делать то, что лошади самой нравится и от чего она получает удовольствие.

Идея о том, что лошади важно не только дать правильную команду, но и не помешать, очень актуальна и сегодня. Дело в том, что достижение гармонии между всадником и лошастью возможно лишь тогда, когда всадник полностью входит в ритм движения животного. Рука человека должна полностью повторять амплитуду (Илл. 1.7), с которой двигается шея лошади, чтобы натяжение повода оставалось постоянно одинаковым.

Илл. 1.7. Амплитуда движения лошади на галопе

Всадник должен чувствовать легкий упор руки в рот лошади, но ни в коем случае не усугублять натяжение. Любая команда, исходящая от руки, должна быть мягкой и кратковременной (Xen. *De re equ.* X, 12–13):

ἐπειδὴν δὲ ἀνακρουόμενος αἶρη τὸν αὐχένα, δοτέον εὐθὺς τὸν χαλινόν. καὶ τᾶλλα δὲ δεῖ, ὥσπερ οὐ παυόμεθα λέγοντες, ἐν ᾧ ἂν καλῶς ὑπηρετῇ, χαρίζεσθαι τῷ ἵππῳ. καὶ ὅταν δ' αἰσθηται ἡδόμενον τὸν ἵππον τῇ τε ὑψαυχενία καὶ τῇ χαλαρότητι, ἐν τούτῳ οὐδὲν δεῖ χαλεπὸν προσφέρειν ὥς πονεῖν ἀναγκάζοντα, ἀλλὰ θωπεύειν ὥς ἱππᾶσασθαι βουλόμενον.

Когда, после «оддержки» поводом, лошадь поднимет шею, нужно сразу подать повод вперед. И в остальном, как мы неустанно повторяем, следует действовать так, чтобы лошадь получала удовольствие, тогда она будет повиноваться. Когда же всадник заметит, что лошадь сама охотно несет шею и двигается свободно, ни в коем случае нельзя доставлять ей неудобства и дополнительно заставлять трудиться. Наоборот, нужно проявить к ней ласку, чтобы она с желанием несла всадника.

Только тогда лошадь будет чувствовать себя спокойно и расслабленно, осознавая, что человек не покушается на ее природу, и только в этом случае она согласится сотрудничать, выполнять команды и принимать указания своего всадника.

Следующий фрагмент дополняет общую картину и позволяет с большей уверенностью судить о технике, которую рекомендуют применять авторы. (Sim. 8):

... τὴν δὲ ὀσφῦν ἐχέτω ὑγρὰν

Поясница должна быть не зажатой (гибкой)

Если поясница лошади «зажата», то она не способна подвести задние ноги под корпус, что неизбежно разрушает «сбор» и не позволяет животному показать естественное раскрепощенное движение, которое и будет самым правильным и красивым. Кроме того, на лошади, у которой зажата поясница, крайне неудобно сидеть. Это очень актуально для античного всадника, не знавшего стремян: у всадника не было способа избежать тряски, приподнявшись на стремяна, ему необходимо было добиваться комфорта другим, более сложным способом.¹⁷ К тому же, если всадник будет «шлепать» собственным весом по спине лошади, он очень быстро повредит животному спину.

Последний фрагмент Симона, который стоит прокомментировать, также очень полезен при анализе работы всадника (ibid. 7):

τὸ δὲ γνάθῳ μὴ παχεῖα καὶ ὁμαλὰ πρὸς ἀλλήλας

Челюсти (должны быть) не слишком широкими и с одинаковой чувствительностью с каждой стороны

Об этом же говорит и Ксенофонт (*De re equ.* I, 9):

σκοπεῖν δὲ χρὴ καὶ εἰ ἀμφότεραι μαλακαὶ αἱ γνάθοι ἢ σκληρὰ ἢ ἐτέρα.

Нужно также проверить, обе ли челюсти у лошади мягкие или одна жестче другой.

Здесь речь идет о так называемом «жестком рте». Это состояние лошади, при котором она очень плохо реагирует (или совсем не реагирует) на те действия,

¹⁷ В современной выездке эта задача также стоит перед всадником, несмотря на то что любое седло имеет стремяна. Спортивные стандарты, за редким исключением, предполагают постоянный контакт со спиной лошади.

которые всадник осуществляет с железом у нее во рту. Эта работа требует от всадника чуткости, терпения и спокойствия. Его руки должны быть расслабленными, а для большинства команд должно хватать движения пальцев. Несложно догадаться, что руки всадника в таком случае должны нести лишь вес поводьев. Это возможно только при том, что вес головы и шеи лошадь несет сама. Ксенофонт также упоминает и о железе (*De re equ.* IX, 9):

καὶ χαλινοὶ δὲ οἱ λεῖοι ἐπιτηδειότεροι τῶν τραχέων. ἐὰν δὲ καὶ τραχὺς ἐμβληθῇ, τῇ χαλαρότητι λείῳ δεῖ αὐτὸν ἀφομοιοῦν.

Мягкое грызло более подходяще, чем строгое. Если даже применяется строгое, нужно пользоваться им очень аккуратно, словно мягким.

Это замечание очень показательно. Основываясь на этом свидетельстве, можно сделать вывод о желании античного всадника добиться доверия лошади и пробудить у нее желание сотрудничать с человеком. Работать на мягком железе сложнее, это требует терпения и индивидуального подхода к каждой лошади. Для лошади «не принимать» мягкий трензель гораздо проще, чем строгий, однако с мягким, при правильной работе «мягкой руки» всадника, она охотнее идет на контакт (*Xen. De re equ.* X, 15–16).

οὕτως ὑπὸ μὲν τοῦ χαλινοῦ πιεσθεὶς, ὑπὸ δὲ τοῦ ὀρμᾶν σημανθῆναι ἐγερθεὶς, [καὶ] προβάλλεται μὲν τὰ στέρνα, αἶρει δὲ ἄνω τὰ σκέλη ὀργιζόμενος ... ἢν δέ τις οὕτως ἀνεξωπυρημένῳ αὐτῷ δῶ τὸν χαλινόν, ἐνταῦθ' ὑφ' ἡδονῆς τῷ διὰ τὴν χαλαρότητα τοῦ στομίου λελύσθαι νομίζειν, κυδρῶ μὲν τῷ σχήματι, ὑγροῖν δὲ τοῖν σκελοῖν γαυριώμενος φέρεται, παντάπασιν ἐκμιμούμενος τὸν πρὸς ἵππους καλλωπισμόν.

Так, лошадь (нужно) сдержать рукой и при этом посылать вперед, она станет выпячивать грудь, поднимать ноги, горячась ... если же отдать такой разгоряченной лошади повод, тогда она обрадуется, что ей дали руку и по-

вод, сохраняя прекрасную «рамку», пойдет гордым аллюром, сгибая ноги и показывая все великолешие, которое есть у лошадей.

Манера движения лошади, которую описывают Симон и Ксенофонт, действительно является наиболее естественной. В трактате Ксенофонта эта идея сквозная — лошадь, которая двигается красиво и правильно под всадником, делает это так, как если бы она была на свободе и никем не управлялась. В этом Ксенофонт также ссылается на Симона, поэтому, надо думать, в недошедшей части его трактата эта тема обсуждалась.

Парадокс в том, что на деле достигнуть этого естественного положения — очень сложная задача, на выполнение которой уходит не один год. Работа сложна и для всадника, и для лошади.

Всаднику необходимо долго и упорно заниматься сначала на опытной лошади, которая способна простить ошибки и указать правильную дорогу. Для достижения естественности и гармонии (то есть для выполнения всех предписаний относительно движения лошади, которые описаны в анализируемых трактатах), недостаточно механически совершать описанные движения. Каждая лошадь индивидуальна, и на каждой лошади эти команды должны применяться по-разному, с учетом ее физических и психологических особенностей. Особенности эти, как и черты характера, всадник способен определить, лишь посвящая много времени своей лошади — как ее тренировке, так и общению с ней. Помимо этого, очень многое зависит от настроения, с которым всадник и лошадь вышли на работу. Человеку необходимо каждый раз оценивать, какой настрой у животного, и организовывать в соответствии с этим процесс работы. На лошадь нельзя ни раздражаться, ни злиться. Даже в хорошем настроении животное моментально почувствует недружелюбный настрой всадника и откажется сотрудничать, либо, из уважения, сделает то, что от нее требуется, но движение ее будет лишено грации и красоты, при этом и всаднику, и лошади будет тяжело и неудобно. Cf: (*De re equi*. IX, 2–3):

πρῶτον μὲν τοίνυν χρή τοῦτο γινῶναι, ὅτι ἐστὶ θυμὸς ἵππῳ ὅπερ ὀργὴ ἀνθρώπῳ.
ὥσπερ οὖν ἄνθρωπον ἥκιστ' ἂν ὀργίζοι τις μήτε λέγων χαλεπὸν μηδὲν μήτε ποιῶν,
οὕτω καὶ ἵππον θυμοειδῆ ὁ μὴ ἀνιῶν ἥκιστ' ἂν ἐξοργίζοι.

Таким образом, первое, что нужно знать, это то, что норовистость лошади – словно гнев у человека. Итак, как человек, пожалуй, не станет злиться, если его не будут раздражать ни словом, ни делом, так и строптивая лошадь не разозлится, если ей не досаждают.

Интересно заметить, что это не единственный раз, когда Ксенофонт, говоря о психологии лошади, сравнивает чувства и поведение этого животного с человеческими. Ксенофонт обращается к важной для него лично и для всадников в общем теме: всаднику стоит относиться к лошади так, как он относился бы к другому человеку или даже к себе. Ксенофонт словно применяет к лошади те же этические стандарты, что и к человеку (*De re equ.* IV, 1; IX, 4–5; XI, 6).

Итак, проанализировав технику верховой езды, описанную у Симона и Ксенофонта, довольно легко сформулировать требования к античному всаднику, а также представить самого всадника и его отношение к лошади.

Это должен быть внимательный, терпеливый и уравновешенный человек, осознающий силу и красоту лошади. Целью такого человека должно быть не подчинение лошади, а ее готовность и согласие сотрудничать. Этот всадник считается с характером и настроением конкретной лошади, ищет индивидуальный подход к животному и постоянно работает над собой. Он прекрасно знает все повадки и тонкости темперамента своей лошади, помнит о том, что ей нравится и чего она боится.

При таком внимательном отношении к лошади, ожидаемо, всадник должен проводить с ней довольно много времени, при этом не только верхом. Хозяин, скорее всего, проверяет, как ухаживают за его лошадью в конюшне, как ее кормят и в хорошем ли состоянии стойло. Лошадь, как животное очень умное, способное привязываться, проявлять знаки дружбы и благодарности, точно не оставит без внимания и отдачи такую заботу.

Так, подробно рассмотрев и проанализировав свидетельства, в которых упоминаются лошади, советы, которые дают Симон и Ксенофонт, а также попытки Плиния идеализировать лошадь и приписать ей поистине человеческие ум и благородство, можно заключить, что близкие отношения между лошадью и всадником, даже дружба и взаимная привязанность, должны были иметь место в том обществе, в котором родились эти свидетельства. А, если учесть, что трактаты Симона и Ксенофонта были актуальны на протяжении всей греческой и римской античности, то можно предположить, что любовь к лошадям была вполне приемлемым и знакомым чувством.

Глава 2

Букефал – самый знаменитый конь античного мира

Свидетельства, которые обсуждались раньше, ясно показывают, что чувство симпатии и привязанности к лошади в античности не вызывало у авторов и их современников удивления или недоумения. Всадник относился к своей лошади как к другу и к партнеру, и нет ничего неожиданного в том, что именно этих животных традиция ставит рядом со знаменитыми людьми, полководцами, императорами в качестве верных спутников. Пожалуй, самой знаменитой «парой» в этой традиции можно назвать Александра Македонского и его любимого коня Букефала.

История Букефала – единственный случай, когда большое количество античных свидетельств позволяет нам проследить, хотя бы в общих чертах, биографию конкретной лошади. Вместе со своим прославленным господином он со временем стал персонажем легенд, подчас откровенно фантастических. Так, поздние источники объясняют его имя наличием рогов (или одного рога), возводят его происхождение к слону и верблюду, изображают Букефала людоедом, а его укрощение представляют залогом власти над миром.¹⁸ Здесь не будут обсуждаться фантастические сюжеты из традиции про Букефала, что исключает из рассмотрения большинство поздних источников. Напротив, задача этой главы – на основании свидетельств по возможности выявить достоверные сведения и воссоздать исторический облик Букефала.

2.1. Источники сведений о Букефале

2.1.1. Testimonia

Свидетельства приводятся в хронологическом порядке.

¹⁸ Подробнее обо всех версиях, которые содержат фантастические сюжеты, см.: Anderson 1930, 4–7; Winkes 2000, 101.

T1. Diod. XVII, 76, 6 (I в. до н.э.):

... ἐπιβαλόντες τινὲς τῶν βαρβάρων ἀφήρπασαν <Βουκεφάλαν> τὸν ἄριστον τῶν ἵππων. οὗτος δ' ἐδόθη δῶρον μὲν ὑπὸ Δημαράτου τοῦ Κορινθίου, συνηγώνιστο δὲ τῷ βασιλεῖ πάντας τοὺς κατὰ τὴν Ἀσίαν ἀγῶνας. γυμνὸς δ' ὢν ἔτι τὸν πωλοδαστὴν μόνον προσεδέχετο, τυχὼν δὲ τῆς βασιλικῆς σκευῆς οὐδὲ τοῦτον ἔτι προσίετο, μόνῳ δὲ Ἀλεξάνδρῳ παρίστατο καὶ συγκαθίει τὸ σῶμα πρὸς τὴν ἀνάβασιν. ὁ δὲ βασιλεὺς διὰ τὴν ἀρετὴν τοῦ ζώου δυσφορήσας τὴν μὲν χώραν δενδροτομεῖν προσέταξε, διὰ δὲ τῶν ὁμοφώνων τοῖς ἐγχωρίοις κηρύττειν ὥς ἂν μὴ τὸν ἵππον ἀποδῶσι, τὴν τε χώραν εἰς τέλος ὄψονται κατεφθαρμένην τοὺς τ' ἐνοικοῦντας πανδημεὶ κατεσφαγμένους. τῶν δ' ἀπειλῶν ὀξέως ἐπιτελουμένων καταπλαγέντες οἱ βάρβαροι τὸν ἵππον ἀποκατέστησαν καὶ μετ' αὐτοῦ πολυτελέστατα δῶρα προσεκόμισαν, πρὸς δὲ τούτοις καὶ πεντήκοντ' ἄνδρας ἀπέστειλαν, δεόμενοι τυχεῖν συγγνώμης.

... совершив набег, кто-то из варваров похитил Букефала, лучшего из коней. Он был подарен коринфянином Демаратом и сопровождал царя во всех сражениях в Азии. Неоседланный он подпускал к себе только коновода. Оказавшись в царской сбруе, конь не подпускал и его, а подчинялся одному Александру и приседал к земле, чтобы он мог на него сесть. Царь же, разгневанный (потерей) прекрасного животного, приказал вырубить деревья на территории страны и объявить через переводчиков местным жителям, что, если они не вернут коня, то увидят, как он разорит всю страну и перебьет всех жителей. Когда угрозы стали жестко приводиться в исполнение, варвары, перепугавшись, вернули коня и вместе с ним доставили очень ценные подарки, а вдобавок послали еще пятьдесят человек, чтобы попросить прощения.

T2. Strabo. Geogr. XV, 1, 29 (I в. до н.э.):

... ἐπὶ τῷ Ὑδάσπῃ πρὸς ταῖς ἐκτισμέναις ὑπ' αὐτοῦ πόλεσιν ἐφ' ἑκάτερα τοῦ ποταμοῦ, ὅπου τὸν Πῶρον ἐνίκα διαβάς· ὢν τὴν μὲν Βουκεφαλίαν ὠνόμασεν ἀπὸ τοῦ πεσόντος ἵππου κατὰ τὴν μάχην τὴν πρὸς τὸν Πῶρον (ἐκαλεῖτο δὲ

Βουκεφάλας ἀπὸ τοῦ πλάτους τοῦ μετώπου· πολεμιστῆς δ' ἦν ἀγαθός, καὶ ἀεὶ τούτῳ ἐκέχρητο κατὰ τοὺς ἀγῶνας)

(Александр построил флот) на Гидаспе около основанных им городов по обеим сторонам реки, там, где, перейдя реку, он победил Пора. Из этих городов один он назвал Букефалией в честь павшего в битве с Пором коня (звали же его Букефал из-за широкого лба. Он прекрасно служил в бою, и Александр всегда на нем участвовал в битвах.

T3. Plut. *Alex.* 6 (I β. Η.Ε.):

Ἐπεὶ δὲ Φιλονίκου τοῦ Θεσσαλοῦ τὸν Βουκεφάλαν ἀγαγόντος ὄνιον τῷ Φιλίππῳ τρισκαίδεκα ταλάντων, κατέβησαν εἰς τὸ πεδῖον δοκιμάσοντες τὸν ἵππον, ἐδόκει τε χαλεπὸς εἶναι καὶ κομιδῇ δύσχρηστος, οὐτ' ἀναβάτην προσιέμενος οὔτε φωνὴν ὑπομένων τινὸς τῶν περὶ τὸν Φίλιππον, ἀλλ' ἀπάντων κατεξανιστάμενος, δυσχεραίνοντος δὲ τοῦ Φιλίππου καὶ κελεύοντος ἀπάγειν ὡς παντάπασιν ἄγριον καὶ ἀκόλαστον, παρὼν ὁ Ἀλέξανδρος εἶπεν· “οἷον ἵππον ἀπολλύουσι, δι' ἀπειρίαν καὶ μαλακίαν χρήσασθαι μὴ δυνάμενοι,” τὸ μὲν οὖν πρῶτον ὁ Φίλιππος ἐσιώπησε· πολλάκις δ' αὐτοῦ παραφθεγγομένου καὶ περιπαθοῦντος, “ἐπιτιμᾷς σὺ” ἔφη “πρεσβυτέροις ὥς τι πλέον αὐτὸς εἰδὼς ἢ μᾶλλον ἵππῳ χρήσασθαι δυνάμενος;” “τούτῳ γοῦν” ἔφη “χρησαίμην ἂν ἐτέρου βέλτιον.” “ἂν δὲ μὴ χρήσῃ, τίνα δίκην τῆς προπετείας ὑφέξεις;” “ἐγὼ νῆ Δί” εἶπεν “ἀποτείσω τοῦ ἵππου τὴν τιμὴν.” γενομένου δὲ γέλωτος, εἶθ' ὀρισμοῦ πρὸς ἀλλήλους εἰς τὸ ἀργύριον, εὐθὺς προσδραμὼν τῷ ἵππῳ καὶ παραλαβὼν τὴν ἡνίαν, ἐπέστρεψε πρὸς τὸν ἥλιον, ὡς ἔοικεν ἐννοήσας ὅτι τὴν σκιὰν προπίπτουσιν καὶ σαλευομένην ὀρῶν πρὸ αὐτοῦ διαταράττοιο. μικρὰ δ' αὐτῷ παρακαλπάσας καὶ καταψήσας, ὡς ἑώρα πληρούμενον θυμοῦ καὶ πνεύματος, ἀπορρίψας ἡσυχῇ τὴν χλαμύδα καὶ μετεωρίσας αὐτόν, ἀσφαλῶς περιέβη. καὶ μικρὰ μὲν περιλαβὼν ταῖς ἡνίαις τὸν χαλινόν, ἄνευ πληγῆς καὶ σπαραγμοῦ προσανέστειλεν· ὡς δ' ἑώρα τὸν ἵππον ἀφεικότα τὴν ἀπειλήν, ὀργῶντα δὲ πρὸς τὸν δρόμον, ἀφείς ἐδίωκεν, ἤδη φωνῇ θρασυτέρᾳ καὶ ποδὸς κρούσει χρώμενος. τῶν δὲ περὶ τὸν Φίλιππον ἦν ἀγωνία καὶ σιγὴ τὸ πρῶτον· ὡς δὲ κάμψας ὑπέστρεψεν ὀρθῶς σοβαρὸς καὶ γεγηθώς, οἱ μὲν

ἄλλοι πάντες ἀνηλάλαξαν, ὁ δὲ πατὴρ καὶ δακρῦσαί τι λέγεται πρὸς τὴν χαράν, καὶ καταβάντος αὐτοῦ τὴν κεφαλὴν φιλήσας “ὦ παῖ” φάναι, “ζήτει σεαυτῷ βασιλείαν ἴσῃν· Μακεδονία γάρ σ' οὐ χωρεῖ.”

А когда Филоник из Фессалии привел Букефала и стал продавать его за 13 талантов, они вышли на поле, чтобы испытать коня. Он казался непокорным и совершенно негодным: не подпускал наездника и не подчинялся голосу кого-либо из окружения Филиппа, напротив, кто бы ни подошел, поднимался на свечку. Когда Филипп в негодовании приказал, чтобы коня увели, потому что, мол, он совершенно дикий и никто не может с ним справиться, Александр, который был рядом, сказал: «Какого коня они губят, не в силах с ним совладать из-за неопытности и слабости!». Сначала Филипп промолчал, когда же Александр стал с грустью говорить об этом, Филипп сказал: «Ты обвиняешь старших, словно ты знаешь больше и лучше можешь справиться с лошадыю?» Александр ответил: «С этой, по крайней мере, я справлюсь лучше другого». «А если не справишься, какое наказание ты понесешь за безрассудство?» – спросил Филипп. «Я поставлю столько, сколько стоит конь», – ответил Александр. Тогда все рассмеялись, а Филипп с Александром договорились по поводу денег. Александр тут же подбежал к коню, перехватил поводья и повернул его к солнцу, так как, кажется, понял, что конь пугался при виде колеблющейся перед ним тени. Он немного пробежал с ним рядом, поглаживая его, а как только он увидел, что конь осмелел и дышит полной грудью, он спокойно сбросил хламиду и, вскочив, сел на него верхом, не подвергая себя при этом опасности. Недолгое время он придерживал поводья и не посылал коня вперед ударами и уздой. А как только он увидел, что конь больше не опасен и проявляет желание бежать, он позволил ему это, ослабив повод и уже посылая его более громким голосом и ногами. Сперва свита Филиппа тревожно молчала. Однако, когда Александр, подчинив коня, грамотно его развернул и вернулся, все разразились радостным криком, а Филипп, говорят, даже заплакал от радости, поцеловал спешившегося Алек-

сандра в голову и сказал: «Сын, ищи царство себе под стать, ведь Македония тебе не подходит по размеру».

T4. Plut. *Alex.* 32:

ἄχρι μὲν οὖν συντάττων τι τῆς φάλαγγος ἢ παρακελεύόμενος ἢ διδάσκων ἢ ἐφορῶν παρεξήλαυνεν, ἄλλον ἵππον εἶχε, τοῦ Βουκεφάλα φειδόμενος, ἥδη παρήλικος ὄντος· χωροῦντι δὲ πρὸς ἔργον ἐκεῖνος προσήγετο, καὶ μεταβάς εὐθὺς ἦρχεν ἐφόδου.

Пока (Александр) строил фалангу, давал приказы, наставления или совершал смотры, он ездил на другом коне, потому что берег Букефала, который уже был в возрасте. Однако ему его подводили, когда он собирался начать бой, и он тут же устремлялся в наступление.

T5. Plut. *Alex.* 44:

Ἐνταῦθα τῶν βαρβάρων τινὲς ἀπροσδοκῆτως περιτυχόντες τοῖς ἄγουσι τὸν ἵππον αὐτοῦ τὸν Βουκεφάλαν λαμβάνουσιν. ὁ δ' ἠνεγκεν οὐ μετρίως, ἀλλὰ κήρυκα πέμψας ἠπείλησε πάντας ἀποκτενεῖν μετὰ τέκνων καὶ γυναικῶν, εἰ τὸν ἵππον αὐτῷ μὴ ἀναπέμψειαν. ἐπεὶ δὲ καὶ τὸν ἵππον [αὐτῷ] ἄγοντες ἦκον <αὐτῷ> καὶ τὰς πόλεις ἐγχειρίζοντες, ἐχρήσατο φιланθρωπῶς πᾶσι καὶ τοῦ ἵππου λύτρα τοῖς λαβοῦσιν ἔδωκεν.

Тогда какие-то из варваров неожиданно напали на конюхов и похитили его (Александра) коня Букефала. Александр был в ярости и, послав глашатая, объявил, что он убьет всех вместе с детьми и женами, если ему не вернут коня. Но когда к нему пришли, приведя коня, и города покорились его власти, он обошелся со всеми милостиво и дал за коня выкуп тем, кто его украл.

T6. Plut. *Alex.* 61:

Ἐκ δὲ τῆς πρὸς Πῶρον μάχης καὶ ὁ Βουκεφάλας ἐτελεύτησεν, οὐκ εὐθύς, ἀλλ' ὕστερον, ὥς οἱ πλεῖστοι λέγουσιν, ἀπὸ τραυμάτων θεραπευόμενος, ὥς δ' Ὀνησίκριτος, διὰ γῆρας ὑπέρπονος γενόμενος· τριάκοντα γὰρ ἔτῶν ἀποθανεῖν αὐτόν. ἐδήχθη δ' ἰσχυρῶς Ἀλέξανδρος, οὐδὲν ἄλλ' ἢ συνήθη καὶ φίλον ἀποβεβληκέναι νομίζων, καὶ πόλιν οἰκίσας ἐπ' αὐτῷ παρὰ τὸν Ὑδάσπην Βουκεφαλίαν προσηγόρευσε.

В сражении с Пором погиб и Букефал, но не сразу, а позже, как говорят многие – когда ему заживляли раны. А как говорит Онесикрит, [конь] умер от старости в возрасте тридцати лет. Александр сильно горевал, словно потерял близкого друга, и, основав в его честь город у Гидаспа, назвал его Букефалией.

T7. Plut. *De sollert. anim.* 970D:

ὁ δὲ Βουκεφάλας γυμνὸς μὲν ὢν παρειῆχεν ἀναβῆναι τῷ ἵπποκόμῳ, κοσμηθεὶς δὲ τοῖς βασιλικοῖς προκοσμίοις καὶ περιδεραίοις οὐδένα προσίετο πλὴν αὐτόν Ἀλέξανδρον·

Букефал без амуниции позволял коноводу садиться на себя, украшенный же царской сбруей и ожерельями, он не подпускал никого, кроме Александра.

T8. Plin. *Nat. hist.* VIII, 154 (I в. н.э.):

Eidem Alexandro et equi magna raritas contigit. Bucephalan eum vocarunt sive ab aspectu torvo sive ab insigni taurini capitis armo inpressi. XIII talentis ferunt ex Philonici Pharsalii grege emptum, etiam tum puero capto eius decore. neminem hic alium quam Alexandrum regio instratu ornatus recepit in sedem, alias passim recipiens. idem in proeliis memoratae cuiusdam perhibetur operae, Thebarum oppugnatione vulneratus in alium transire Alexandrum non passus, multa praeterea eius-

dem modi, propter quae rex defuncto ei duxit exequias urbemque tumulo circumdedit nomine eius.

Еще у Александра была весьма редкая лошадь. Ее называли Букефал или из-за сурового вида, или из-за того, что на плече у коня было клеймо в виде головы быка. Говорят, он был куплен за 13 талантов из табуна Филоника из Фарсала, потому что еще ребенком Александр был пленен красотой коня. Украшенный царским седлом, он не подпускал никого, кроме Александра; расседланный подпускал всех. Говорят, он был очень полезен в бою. Раненный при взятии Фив, он не допустил, чтобы Александр пересел на другого коня, и совершил еще много вещей подобного рода, из-за чего, когда он пал, Александр устроил ему похороны и вокруг кургана воздвиг город, названный его именем.

T9. Arrian. Anab. V, 19, 5 (I–II вв. н.э.):

Ἵνα δὲ ἡ μάχη ξυνέβη καὶ ἔνθεν ὀρμηθεὶς ἐπέρασε τὸν Ὑδάσπην ποταμὸν πόλεις ἔκτισεν Ἀλέξανδρος. καὶ τὴν μὲν Νίκαιαν τῆς νίκης τῆς κατ' Ἰνδῶν ἐπώνυμον ὠνόμασε, τὴν δὲ Βουκεφάλαν ἐς τοῦ ἵππου τοῦ Βουκεφάλᾳ τὴν μνήμην, ὃς ἀπέθανεν αὐτοῦ, οὐ βληθεὶς πρὸς οὐδενός, ἀλλὰ ὑπὸ καύματος τε καὶ ἡλικίας (ἦν γὰρ ἀμφὶ τὰ τριάκοντα ἔτη) καματηρὸς γενόμενος, πολλὰ δὲ πρόσθεν ξυγκαμὼν τε καὶ συγκινδυνεύσας Ἀλεξάνδρῳ, ἀναβαινόμενός τε πρὸς μόνου Ἀλεξάνδρου [ὁ Βουκεφάλᾳς οὗτος], ὅτι τοὺς ἄλλους πάντας ἀπηξίου ἀμβάτας, καὶ μεγέθει μέγας καὶ τῷ θυμῷ γενναῖος. σημεῖον δὲ οἱ ἦν βοὸς κεφαλὴ ἐγκεχαραγμένη, ἐφ' ὧ καὶ τὸ ὄνομα τοῦτο λέγουσιν ὅτι ἔφερεν· οἱ δὲ λέγουσιν ὅτι λευκὸν σῆμα εἶχεν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς, μέλας ὢν αὐτός, ἐς βοὸς κεφαλὴν μάλιστα εἰκασμένον. οὗτος ὁ ἵππος ἐν τῇ Οὐξίων χώρᾳ ἀφανὴς ἐγένετο Ἀλεξάνδρῳ, καὶ Ἀλέξανδρος προεκήρυξεν ἀνὰ τὴν χώραν πάντας ἀποκτενεῖν Οὐξίους, εἰ μὴ ἀπάξουσιν αὐτῷ τὸν ἵππον· καὶ ἀπήχθη εὐθὺς ἐπὶ τῷ κηρύγματι.

Там, где произошло сражение и выступив откуда, Александр переправился через реку Гидасп, он основал два города. Один он назвал Никеей, в честь победы над индами, а другой – Букефалой в память о коне Букефале, который

там умер, никем не пораженный, но изнуренный зноем и старостью (ведь ему было около тридцати лет). Прежде он перенес вместе с Александром много трудов и опасностей. На него садился только Александр, потому что остальных всадников он не принимал. Он был большого размера и благородного нрава. У него было клеймо в виде головы быка, отчего, говорят, его так и называли. Другие же говорят, что у него была белая отметина, очень похожая на бычью голову, притом, что сам он был темным. Этот конь пропал у Александра в стране уксиев, и Александр велел объявить по всей стране, что он убьёт всех уксиев, если ему не приведут обратно коня, и коня привели сразу после объявления.

T10. Arrian. *Anab.* V, 14, 4:

οἱ δὲ καὶ μάχην λέγουσιν ἐν τῇ ἐκβάσει γενέσθαι τῶν Ἰνδῶν τῶν ξὺν τῷ παιδὶ τῷ Πύρου ἀφίγμένων πρὸς Ἀλέξανδρον τε καὶ τοὺς ξὺν αὐτῷ ἰππέας. καὶ γὰρ καὶ ἀφικέσθαι ξὺν μείζονι δυνάμει τὸν Πύρου παῖδα, καὶ αὐτόν τε Ἀλέξανδρον τρωθῆναι πρὸς αὐτοῦ καὶ τὸν ἵππον αὐτοῦ ἀποθανεῖν τὸν Βουκεφάλαν, φίλτατον Ἀλεξάνδρῳ ὄντα τὸν ἵππον, καὶ τοῦτον τρωθέντα ὑπὸ τοῦ παιδὸς τοῦ Πύρου. ἀλλὰ Πτολεμαῖος ὁ Λάγου, ὅτῳ καὶ ἐγὼ συμφέρομαι, ἄλλως λέγει.

Другие же говорят, что битва произошла на месте высадки, когда появились инды с сыном Пора и напали на Александра и его конниками; что сын Пора прибыл с бóльшим войском [чем говорит Аристобул], что сам Александр был им ранен и что на этом же месте погиб его конь Букефал, который был самым любимым конем Александра. Он тоже был ранен сыном Пора. Но Птолемей, сын Лага, с которым согласен и я, рассказывает иначе. (Следует описание битвы, в котором Букефал не упоминается.)

T11. Curt. Ruf. *Hist.* VI, 5 (I–II вв. н.э.):

Sed ignotis locis plerique oberrabant, exceptique sunt quidam, inter quos equus regis – Bucephalam vocabant – quem Alexander non eodem quo ceteras pecudes animo aestimabat. Namque ille nec in dorso insidere suo patiebatur alium et regem,

cum vellet escendere, sponte genua submittens excipiebat credebaturque sentire, quem veheret. Maiore ergo, quam decebat, ira simul ac dolore stimulatus equum vestigari iubet et per interpretem pronuntiari, ni reddidissent, neminem esse victurum. Hac denuntiatione territi cum ceteris donis equum adducunt. Sed ne sic quidem mitigatus caedi silvas iubet adgestaque humo e montibus planitiem ramis impeditam exaggerari. Iam <in> aliquantum altitudinis opus creverat, cum barbari desperato regionem, quam occupaverant, posse retineri gentem suam dedidere.

Многие, из-за того, что не знали местности, заблудились, и некоторые были взяты в плен. Среди них оказался царский конь – его звали Букефал, – которого Александр ценил больше других животных. Ведь конь не позволял на себя садиться никому, кроме него, и, когда царь хотел на сего сесть, конь сам приседал на колено, словно понимая, кого он вез. Поэтому больше, чем следует, дав волю гневу и горю, он приказывает выследить коня и объявить через переводчика, что, если его коня не вернут, то не выживет никто. Устрашенные этим объявлением, коня привели с другими дарами. Не смягченный даже этим, Александр приказывает вырубить леса и землей с гор засыпать равнину, перегороженную ветвями. Сооружение уже было довольно высоким, когда варвары сдались, в отчаянии осознав, что не могут удержать занятую ими область.

T12. Aul. Gel. V, 2 (II в. н.э.):

Equus Alexandri regis et capite et nomine ‘Bucephalas’ fuit. Emptum Chares scripsit talentis tredecim et regi Philippo donatum; hoc autem aeris nostri summa est sestertia trecenta duodecim. Super hoc equo dignum memoria visum, quod, ubi ornatus erat armatusque ad proelium, haud umquam inscendi sese ab alio nisi ab rege passus sit. Id etiam de isto equo memoratum est, quod, cum insidens in eo Alexander bello Indico et facinora faciens fortia in hostium cuneum non satis sibi providens inmisisset coniectisque undique in Alexandrum telis vulneribus altis in cervice atque in latere equus perfossus esset, moribundus tamen ac prope iam exsanguis e mediis hostibus regem vivacissimo cursu retulit atque, ubi eum extra

tela extulerat, ilico concidit et domini iam superstitis securus quasi cum sensus humani solacio animam exspiravit. Tum rex Alexander parta eius belli victoria oppidum in isdem locis condidit idque ob equi honores 'Bucephalon' appellavit.

У царя Александра был конь Букефал, которого так звали из-за его головы. Харет написал, что он был куплен за 13 талантов и подарен царю Филиппу. На наши деньги это 312 тысяч сестерциев. Про этого коня стоит упомянуть, что, украшенный и оседланный для боя, он не позволял на себя садиться никому, кроме царя. Также об этом коне вспоминают, что, когда Александр верхом на нем совершал славные подвиги во время Индийской войны и недостаточно осторожно направил его на вражеское войско, так как в Александра отовсюду полетели стрелы, конь был тяжело ранен в шею и в бок, однако, умирающий и почти бездыханный, он очень резвым бегом понес Александра прочь из гущи врагов и, когда вывез его из-под стрел, тотчас же пал, уже уверенный в том, что его хозяин в безопасности, и почти с человеческим чувством облегчения испустил дух. Тогда царь Александр, одержав победу в этой войне, основал в тех местах город и назвал его в честь коня «Букефал».

T13. Herodian. *De pros. cath.* 3, 1, p. 255, 9 Consbruch (II–III вв. н.э.):

καὶ <Βουκεφάλα> πόλις Ἰνδικῆς, ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος «ἐπ' ἀμφοτέραις ταῖς ὄχθαις τοῦ Ὑδάσπου ποταμοῦ πόλεις ὥκισε, Νίκαιαν – Βουκεφάλαν δὲ ἐνθα διαβάντος καὶ μαχομένου ἀπέθανεν αὐτοῦ ὁ ἵππος Βουκεφάλας λεγόμενος».

И Букефала – индийский город, который основал Александр: «на обоих берегах реки Гидасп он основал города, Никею – Букефалу же там, где он перешел реку Гидасп и принял участие в сражении, в котором, говорят, умер его конь Букефал».

T14. Herodian. *De pros. cath.* 3, 1, p. 277. 32 Consbruch:

<Βουκεφάλεια> πόλις ἐπὶ τῷ Βουκεφάλῳ ἵππῳ, ἣν ἔκτισεν Ἀλέξανδρος ἐν Ἰνδία παρὰ τὸν Ὑδάσπην ποταμόν.

Букефалия – город, который Александр основал в честь коня Букефала в Индии на берегу реки Гидасп.

T15. Cassius Dio. *Historia Romana*, excerpta Salmasiana p. 763. 4 Cramer (II–III вв. н.э.):

... καὶ οὐδένα ἕτερον ἀναβάτην ἐδέχετο, εἰ μὴ αὐτὸν μόνον, ὥς ὁ Βουκέφαλος τὸν Ἀλέξανδρον.

(про коня Цезаря) и он не принимал никакого другого всадника, кроме самого (Цезаря), как Букефал не принимал никого, кроме Александра.

T16. Aelian. *De nat. an.* VI, 44, 19 (III в. н.э.):

Ἴππος εἰ τυγχάνοι κηδεμονίας, ἀμείβεται τὸν εὐεργέτην εὐνοίᾳ τε καὶ φιλίᾳ. καὶ ὁποῖος μὲν ἦν ὁ Βουκεφάλας ἐς Ἀλέξανδρον διαρρεῖ πανταχόσε ὁ λόγος, καὶ οὐ μοι λέγειν αὐτὸν ἥδιόν ἐστι.

Если лошадь чувствует заботу, она отплачивает благодетелю расположением и дружбой. Каким был Букефал к Александру, говорят везде, и мне не слишком по душе говорить о нем.

T17. Etym. Magn. 207, 50 ff. (Etym. Gud. 113, 41 ff.) (1150 г. н.э.):

Βουκεφάλος ὁ ἵππος, ὃν Ἀλέξανδρος ἐκέκτητο οὐχ ὥς τινες οἶονται ὅτι βοός κέρατα εἶχε. Τοῦτο γὰρ ψευδές. Ἐκοσμεῖτο γὰρ ὑπὸ Ἀλεξάνδρου χρυσοῖς (Gud. adnectit: κέρασι καὶ ἄλλῳ βασιλικῷ κόσμῳ) καὶ οὐ διὰ τὰ κέρατα βουκέφαλος ὠνόμασται, ἀλλ' ὅτι οὕτως ἐν Θεσσαλίᾳ ἐκαλοῦντο οἱ ἵπποι ἔχοντες ἐγκεκαυμένον

βουκράνιον. ὅτι δὲ τῶν Θεσσαλικῶν ἵπποι τινὲς ἐκαλοῦντο βουκέφαλοι δηλοῖ
 Ἀριστοφάνης ἐν Ἀναργύρῳ
 (fr. 41 Kock)

Μὴ κλᾶ'. ἐγὼ σοι βουκέφαλον ὠνήσομαι.

Καὶ πάλιν (fr. 42)

Ψῆχ' ἡρέμα τὸν βουκέφαλον καὶ τὸν κοππατίαν.

Λέγεται (βουκέφαλος) ὁ ἐγκεχαραγμένον ἔχων τοῖς ἰσχύοις βούκρανον.

Конь, которым владел Александр, звался Букефал не потому, что у него были бычьи рога, как некоторые полагают. Это неправда. Ведь его украшали золотом Александра (Gud. adnectit: рогами и другим царским убранством), и называли его так не из-за рогов, но из-за того, что так называли лошадей в Фессалии, имеющих клеймо в виде бычьей головы. То, что некоторых из Фессалийских лошадей называли букефалами, ясно показывает Аристофан в «Анагире»:

«Не плачь. Я куплю тебе букефала».

И опять-таки:

«Погладь немного букефала и отмеченного клеймом в виде коппы».

Букефалом называется такой, у кого на бедре клеймо в виде бычьей головы.

T18. Suidas κ 2055 s.v. κοππατίας:

Οὐδὲ γὰρ βουκεφάλας καλοῦμεν διὰ τὸ μορφὴν τοιαύτην ἔχειν, ἀλλὰ διὰ τὸ οὕτω κεχαράχθαι· οἷος οἶμαι καὶ ὁ τοῦ Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνοιο ἵππος ἦν, ᾧ τελευτήσαντι τὴν Βουκέφαλον Ἀλεξάνδρειαν ἔκτισεν, ἐντάφιον αὐτῷ τῆς ἀρετῆς χαριζόμενος πόλιν.

Букефалами мы зовем коней не из-за того, что у них такая (т. е. бычья) внешность, а из-за того, что на них такое клеймо. Таким, я считаю, был и конь Александра Македонского, в честь которого, когда конь умер, он основал город Александрию Букефальскую как посмертный памятник его доблести.

T19. Hes. s. v. Βουκέφαλος

<Βουκέφαλος>· ἵππος ἐγκεχαραγμένον ἔχων τοῖς ἰσχύοις βούκρανον (Ar. fr. 41. 42) καὶ ὁ Ἀλεξάνδρου ἵππος, ἀφ' οὗ πόλιν ἐν Ἰνδοῖς κτίσαι λέγεται

Букефал – лошадь с клеймом в виде бычьей головы на бедрах, а также конь Александра, в честь которого он, говорят, основал город на земле индов.

2.1.2. Современные Александру источники

Авторы дошедших античных источников ссылаются на нескольких авторов, которые располагали сведениями о Букефале из первых рук: Авл Геллий (T12) – на Харета (FGrHist 125), Плутарх (T6) – на Онесикрита (FGrHist 132).

Харет Митиленский был управляющий царским двором при Александре с 330 г и автором недошедшего труда об Александре (Athen. XII, 514 e) по меньшей мере в 10 книгах.¹⁹ Судя по всему, на него опирается и Аристобул.²⁰ Плутарх также пользовался Харетом как источником, но и опровергал некоторые его свидетельства (например историю Харета о рукопашной схватке с Дарием: Plut. *Alex.* 22). Трудом Харета пользовался и Арриан. В описаниях Харета много фантастики и слухов, в его труде была не столь важна историческая достоверность, сколько стремление удовлетворить интерес аудитории к сплетням и скандалам царского двора.²¹ Таким образом, к его свидетельствам следует относиться очень аккуратно.

¹⁹ OCD Chares 2.

²⁰ Schwartz 1899, 2129.

²¹ Pearson 1960, 60–61.

Онесикрит,²² согласно свидетельству Диогена Лаэртция (VI, 84), был учеником Диогена Синопского. Ему приписываются труды, в которых рассказывается о детстве Александра – на этом основании Диоген сравнивает его с Ксенофонтом, писавшим о детстве Кира, однако замечает, что Онесикрит был гораздо слабее своего образца. Известно, что он сопровождал Александра в Индии (Strabo XV, 65; Arr. *Anab.* VII, 5) Труд его уже в античности не считался особенно надежным. Арриан сам замечает, что историк грешит неточностями, и даже критикует его за то, что тот называл себя навархом, хотя он был только кормчим. По комментарию Арриана видно, что Онесикрит часто приукрашивал факты ради своей репутации (*Anab.* VI, 2). Тем не менее, Арриан, говоря о гибели коня, склоняется именно той версии, согласно которой конь умер от старости в 30 лет. О том, что этой же версии придерживался Онесикрит, сообщает Плутарх в Т6. При этом Арриан ссылается не на Онесикрита, а, предположительно, на Птолемея (см. Т10 – Арриан передает версию о гибели коня в битве, замечает, что Птолемей пишет по-другому и что он с ним согласен, а в Т9 сообщает версию, которую считает правильной: именно ту, согласно которой конь умер от старости). Страбон (XV, 2) полагает, что едва ли стоит принимать на веру сообщения спутников Александра, поскольку у них не было времени на внимательное изучение места и обстоятельств. Если принять во внимание еще и упреки Арриана, то Онесикрит представляется не очень достоверным источником.

Хотя Арриан (Т10) называет также имена Аристобула (FGrHist 139) и Птолемея (FGrHist 138), из его текста понятно, что рассказ о смерти Букефала он нашел не у них, а у каких-то других историков.

²² *OCD* Onesicritus, of Astypalaea.

2.2. Исторический облик Букефала: реконструкция

2.2.1. Имя и внешний вид.

Имя Букефала в дошедших источниках встречается в двух вариантах:

Βουκεφάλας и Βουκέφαλος:

Вариант имени	Источник
Βουκεφάλας / Buccephalas	<ol style="list-style-type: none"> 1. Диодор (Т 1) 2. Страбон (Т2) 3. Плутарх (Т3, 4, 5, 8) 4. Плиний (Т8) 5. Арриан (Т9, 10) 6. Курций Руф (Т11) 7. Авл Геллий (Т12) 8. Геродиан (Т13) 9. Элиан (Т17) 10. Суда (Т18)
Βουκέφαλος	<ol style="list-style-type: none"> 1. Геродиан (Т14) 2. Дион Кассий (Т15) 3. Этимологикон (Т17) 4. Гезихий (Т19)

Судя по тому, что вариант 2-го склонения засвидетельствован в более поздних источниках, можно предположить, что форма Βουκεφάλας является изначальной.

Необычное имя («Бычья голова») дает нашим источникам повод для обсуждения внешнего вида Букефала. Варианты толкования можно разделить на две группы. Одни связывают имя коня с тем, что сам он каким-то образом

напоминал быка:²³ такой версии придерживаются Страбон (Т2 – из-за широкого лба), Плиний (Т8 – *ab aspectu torvo*, «из-за свирепого вида») и Авл Геллий (Т12 – не поясняя, в чем выражалось сходство). Другие предполагают, что у коня было клеймо (Плиний Т8, который предлагает как альтернативу и первую версию; Этимологикон Т18; словарь Гезихия Т19) или пятно естественного происхождения (Арриан Т9 упоминает и клеймо, и пятно как альтернативные версии) в виде головы быка.

Арриан (Т9) – единственный ранний литературный источник, уточняющий масть коня:²⁴ он указывает, что Букефал был μέλας. Уже давно замечена проблема, связанная с этим сообщением: на помпейской «Мозаике Александра» (см. Илл. 2. 1. а–b) царь изображен верхом на кауrom коне.

²³ Как было сказано выше (см. прим. 1), версии, приписывающие Букефалу бычьи рога, здесь не рассматриваются.

²⁴ Те же сведения содержатся еще в еще *Excerpta Vaticana* (См.: Sternbach 1895, 8.)

Илл. 2. 1. а–b. Битва Александра Македонского с Дарием III. Мозаика из дома Фавна в Помпеях, ок. 100 г. до н. э., с оригинала конца IV в. до н.э.

Неаполь, Национальный археологический музей

Большинство ученых сходятся во мнении, что мозаика является копией с картины Филоксена из Эретрии, которая была написана при жизни Александра или через короткое время после его смерти.²⁵ Таким образом, художник, скорее всего, своими глазами видел царского любимца и знал, какой он был масти. Вслед за Винксом мне кажется неудачной идея Фроммера о том, что изображенная на мозаике лошадь не является Букефалом.²⁶ Изображение скорее стоит рассматривать не как хронику битвы, потому что определить, какое сражение изображено на мозаике, проблематично – присутствуют элементы, по которым можно узнать битву при Гранике, при Иссе и при Гавгамелах, и среди ученых до сих пор не прекращаются дискуссии.²⁷ В связи с этим кажется скорее верным предположение Винкса о том, что это обобщенный образ Александра – а он, как видно из источников, был тесно связан с образом его любимого коня. Остается, однако, проблема, связанная с мастью Букефала. Винкс предполагает, что традиция о вороной масти появи-

²⁵ См. литературу по этому вопросу: Winkes 2000, 103, n. 11.

²⁶ Pfrommer 1998, 173; ср. Winkes 2000, 104.

²⁷ См. обзор дискуссии: Winkes 2000, 103.

лась позже, чем была написана картина, но мотивировка такого преобразования образа Букефала непонятна.

Винкс в поисках объяснения обращается к знаменитому месту из «Федра» Платона (253e), где вороной (μελάγχρως) конь воплощает неразумную часть души. К этому образу он возводит традицию аллегорического понимания черного коня в античности. Однако идея Винкса о том, что образ Букефала впоследствии соединился с философскими представлениями о черной лошади, которую человеку необходимо сдержать и укротить,²⁸ не кажется убедительной. С одной стороны, у нас вообще нет следов того, что закрепились и стала устойчивой предполагаемая ассоциация черных лошадей с платоновским образом.²⁹ Кроме того, сама традиционная характеристика Букефала как образцового, благородного животного (τῷ θυμῷ γενναῖος) настолько идет вразрез с характеристикой «черного коня» у Платона, что едва ли кому-то пришло бы в голову сближать их. С другой стороны, Арриан не проявляет склонности к фантастическим или легендарным версиям (характерно его утверждение, что конь погиб не в битве, а от старости, сделанное в явно полевом тоне), и тем более к аллегорическим толкованиям доступных ему фактов. К тому же источники Арриана – судя по Аристобулу и Птолемею – были современниками царя, и едва ли в их трудах уже произошла путаница с мастью³⁰ (если таковая вообще была). Мне представляется, что Арриан отметил бы факт подобного противоречия, судя по тому, с какой аккуратностью он разводит другие версии.

Проблему расхождения между обликом Букефала на мозаике и в истории Арриана можно решить, если понимать μέλας не как «вороной», но просто как «темный» (см. Илл. 2.2). Это слово может употребляться в более широ-

²⁸ Winkes 2000, 106–107.

²⁹ Это признает сам Винкс; единственный пример, который ему удастся привести, на самом деле не имеет отношения к символической трактовке черного коня: Aristot. Met. X, 1058b (Winks 2000, 106 n. 46).

³⁰ Pfrommer 1998, 25.

ком смысле, причем оттенки темного могут быть разные.³¹ Такое понимание вдобавок еще объясняет, зачем Арриану понадобилось добавить комментарий про масть. Дело в том, что светлые пятна на шерсти лошади одинаково хорошо видны на любой темной масти, поэтому нет видимой причины указывать, что Букефал был именно вороным.³²

Илл. 2. 2. Лошадь караковой масти

Что касается причины, по которой конь получил свое имя, теория с отметиной кажется гораздо более правдоподобной, чем версия про «бычью» внешность, тем более что некоторые из ее приверженцев явно сами затрудняются объяснить, в чем состояло сходство, а что касается широкого лба – лошади с такой внешностью не очень уж сильно напоминают быков. Еще сложнее представить, что на быка был похож конь, которого описывают как исключительно красивого. Очевидно, у Букефала действительно могло быть клеймо в

³¹ См. LSJ s.v.A: μέλας οἶνος – темное вино, μέλαν κῆμα – темная вода.

³² Ср. Winkes 2000, 107: “It seems to me that Boukephalas was indeed both: brown and black”.

виде бычьей головы (оно гораздо четче, чем природное пятно, и, судя по всему, находилось на видном месте: см. Илл. 2.3).

Илл. 2. 3. Плечевая кость лошади

2.2.2. Порода и происхождение

Если речь идет о клейме, надо полагать, им было отмечено не одно животное: это должна быть метка определенного владельца или породы. Это предположение подтверждают два фрагмента Аристофана (fr. 41, 42 Коск), где βουκέφαλος – имя нарицательное. В византийских лексиконах, сохранивших эти цитаты (Т17, 20), говорится, что имели клеймо в виде бычьей головы и назывались «букефалами» дорогие фессалийские лошади, вероятно, принадлежащие к конкретному «конезаводу». Можно предположить, что Букефал действительно был одним из таких коней. Тогда придется ответить на еще один вопрос: почему традиция сохранила как его имя лишь название «пи-

томника», из которого он происходил. Там, где таких коней было много (например, в Фессалии), называть одного Букефалом смысла не было. В Афинах – для Аристофана – это название породы. Но до Македонии (или до македонского царского двора), видимо, дошел такой один. Сравним ситуацию, когда хозяева-греки (или римляне) называют раба Гета или Сир, поскольку в их доме он единственный представитель своего народа, хотя есть на земле места, где гетов или сирийцев множество.

Данные о происхождении царского коня содержатся и в рассказе о его приобретении. Диодор Сицилийский, которому принадлежит самое раннее из дошедших свидетельств (Т1), говорит, что Букефал – подарок царю Филиппу от коринфянина Демарата. Но Плутарх (Т3) и Плиний Старший (Т8) называют имя продавца – Филоник Фессалийский (как уточняет Плиний – из города Фарсала, причем конь был из его табуна).

В античности хорошо засвидетельствовано, что Фессалия славилась лучшими лошадьми: см., например, Pind. fr. 107 M. = Simonid. fr. 255 Poltera (фрагмент гипорхемы с описанием самых ценных помощников охотника – фессалийского коня и лаконской собаки); Simon. 1, 3; Hdt. VII, 196; schol. Hom. II. IX, 123a; эпитеты этой области в надписях: *ἰπλοτρόφος* (FdD III, 4, 216), *ἰπλόκροτος* (FdD III, 4, 273). Т17 подтверждает, со ссылкой на Аристофана, что дорогие лошади, которых называли букефалами, происходили из Фессалии.

Очень сложно, однако, сделать однозначный вывод о том, откуда в традиции появились два разных имени предыдущего владельца коня и какая версия является правильной. С одной стороны, репутация фессалийских лошадей, интерпретация грамматиками фрагментов Аристофана с упоминанием о «букефале» и, наконец, сравнительная близость Фессалии к Македонии делает вполне правдоподобным сообщение о том, что Букефала действительно при-

везли из этой области. Даже если дарителем был уроженец Коринфа,³³ ничто не мешало ему выбрать в подарок царю фессалийскую лошадь.

С другой стороны, если считать одно из имен чистым вымыслом, проще объяснить как выдумку имя фессалийца Филоника: оно могло возникнуть в традиции *ad hoc* для поддержки легенды о баснословной сумме, за которую была куплена лошадь. Демарат же – историческое лицо, которое упоминается как минимум еще раз вне связи с историей Букефала: он был связан с македонским двором узами гостеприимства (Plut. *Alex.* 9) и вполне мог сделать такой подарок.

2.2.3. Возраст

Представление о том, сколько лет Букефал прослужил Александру и в каком возрасте умер, можно получить, сопоставляя рассказы о его укрощении и смерти. Согласно Плутарху (Т6, со ссылкой на Онесикрита) и Арриану (Т9), конь умер от старости в 326 г. в Индии, на берегах Гидаспа, когда ему было около тридцати лет.

Среди лошадей, как и среди людей, действительно бывают долгожители, и порой можно встретить сильную и здоровую лошадь, которая продолжает работать и в 30 лет. Таким образом, свидетельства Арриана и Плутарха не выглядят абсурдно. Тем не менее, исследователи ставят эти данные Онесикрита под сомнение.

Во время битвы при Гидаспе (июль 326 г.) Александру было 29 или 30 лет. Таким образом, Плутарх и Арриан, опираясь на сведения Онесикрита, пред-

³³ Керст (Kaerst 1897, 995) рассматривает сообщение Диодора о том, что коня подарил Демарат, как ошибку, но не объясняет своих мотивов.

ставляют Букефала ровесником Александра.³⁴ У современных ученых это вызывает вполне обоснованное недоверие. По всей вероятности, в рассказе о приобретении коня Александр предстает уже подростком: в «Романе об Александре» (I, 17) ему 14 лет,³⁵ примерно так же его представляют Андерсон («14–17 лет») и Винкс («как минимум 14»).³⁶ Это кажется правдоподобным: в этом возрасте всадник, серьезно практикующий верховую езду, уже способен принимать удачные решения и чувствовать лошадь, и к тому же обладает достаточной силой, чтобы применять свои навыки.

Андерсон предполагает, что Букефал был примерно на 10 лет младше своего хозяина и, таким образом, на момент смерти ему было около двадцати лет.³⁷ В целом это не выглядит неправдоподобным, однако в своем рассуждении Андерсон исходит из представления, что именно Александр заездил Букефала, который до этого не знал седла, – в таком случае получается, что заездка произошла в неправдоподобно взрослом возрасте. Это предположение противоречит источникам. Букефал совершенно точно был доставлен в Македонию уже заезженным, что как раз и следует из свидетельства Плутарха, которое Андерсон трактует ошибочно. В противном случае Александр не смог бы продемонстрировать описанные Плутархом действия, сев на Букефала в первый раз.

Источники сходятся в том, что юный царь был пленен красотой коня. Примерно до пяти-шести лет лошади часто выглядят несуразно: у них могут быть несоразмерно длинные и тонкие ноги, слабо развитая мускулатура, худоба. Это позволяет предполагать, что, когда Букефал попал к Александру, ему было не меньше пяти лет. В этом возрасте лошадь неизбежно должна быть не просто заезжена, но и многому обучена.

³⁴ Это прямо утверждают некоторые поздние источники и даже называют обоих – царя и его коня – сыновьями одного и того же бога Нектанеба, зачатыми в одну ночь. См. Anderson 1930, 9; Winkes 2000, 105.

³⁵ См. Anderson 1930, 12; Winkes 2000, 101 n. 1.

³⁶ Anderson 1930, 11; Winkes 2000, 105.

³⁷ Anderson 1930, 11–12.

Винкс также находит смерть в тридцать лет неправдоподобной.³⁸ Его расчеты основаны на допущении того, что Александр сражался верхом на Букефале в битве при Гидаспе. Хотя уже Аристотелю известно, что многие кони доживают до 25 лет, а некоторые и до 30 (*Hist. anim.* 576a26), все-таки любящий хозяин скорее отправит старую лошадь на заслуженный отдых, чем будет рисковать ее и своей жизнью, подвергая ее стрессу участия в сражении. Если Букефала привели к македонскому двору, когда он только достиг расцвета, вероятно, ему было лет 5–6, как и предполагает Винкс.

Итак, если представить, что Александр стал хозяином Букефала около 342 года, когда коню было около шести лет, то на момент смерти в 326 г. Букефалу должно было быть не больше двадцати двух лет. В этом возрасте лошадь вполне может еще иметь силы. Представляется, что Александр, много лет проведя на Букефале и прекрасно зная этого коня, не стал бы расставаться с ним на поле боя до самого конца. Источники подтверждают, что в битвах он предпочитал участвовать именно на нем и ни на каком другом коне. Плутарх упоминает, что перед битвой при Гавгамеле Александр ездил на другом коне, потому что Букефал был не молод и его силы надо было уже беречь, однако перед боем царь пересаживался на верного друга (Т4).

2.2.4. Цена

Диодор Сицилийский (Т1) пишет, что Букефал был подарен царю Филиппу Демаратом; Плутарх (Т3) – что царь сам купил коня у Филоника; Авл Гелий (Т12) – что Букефал был куплен царю в подарок; наконец, Плиний Старший (Т8) – что он был куплен из табуна Филоника. Несмотря на расхождения в этом вопросе, Т3, Т8 и Т12 единогласно передают цену – 13 талантов, при

³⁸ Winkes 2000, 105.

этом Авл Гелий упоминает Харета как свой источник. Очевидно, к нему восходят все авторы, которые упоминают о 13 талантах. Харет, состоявший при Александре с 330 г., не мог быть свидетелем покупки коня, но мог слышать рассказы свидетелей-современников. Однако мы помним, что сведения этого автора нужно принимать очень осторожно.

Несомненно, 13 талантов – огромная сумма, особенно если говорить о стоимости лошади. Для сравнения: наследство, которое Демосфену оставил отец, составляло 15 талантов и считалось очень внушительной суммой (Plut. *Dem.* 4). Это становится очевидным при сравнении с несколькими другими сохранившимися сообщениями о ценах на лошадей, которые уместно будет здесь привести. Как известно, несмотря на колебания в весе денежных единиц в разное время и в разных областях, сохраняются следующие соотношения: 1 талант = 60 мин = 300 дариков = 24 000 сестерциев.³⁹ Таким образом, если верить Харету, Букефал был приобретен примерно за 780 мин, что соответствует, как уточняет Авл Геллий, 312 тысячам сестерциев.

В «Облаках» Аристофана «элитная» лошадь с клеймом в виде копы оценена в несравнимо меньшую сумму – 12 мин (*Nub.* 21–23):

φέρ' ἴδω, τί ὀφείλω; δώδεκα μνᾶς Πασίᾱ.
τοῦ δώδεκα μνᾶς Πασίᾱ; τί ἐχρησάμην;
ὅτ' ἐπριάμην τὸν κοππατίαν.

*Ну, посмотрю-ка, что я там должен? 12 мин Пасию. За что 12 мин Пасию?
На что я их потратил? Потому что купил коня с клеймом в виде копы.*

³⁹ См.: Немировский, Ильинская, Уколова.

Примерно о такой же сумме, что и Аристофан, пишет Ксенофонт, рассказывая про своего коня, которого для него выкупили за 50 дариков, то есть примерно 10 мин (См. выше, с.19).

Таковы реальные цены на лошадей на рубеже V–IV вв. Тем не менее, исключать вероятность высокой стоимости Букефала не стоит, ведь и в наше время цены на лошадей могут быть очень высокими: по сути, они не имеют предела. Некоторых именитых лошадей, породистых и с хорошей родословной (особенно скаковых), продают на аукционах за миллионы долларов. Еще одну историю о дорогостоящей лошади можно найти у Авла Геллия (III, 9, 4):

eodem tempore Cornelium Dolabellam consulem in Syriam proficiscentem fama istius equi adductum Argos deuertisse cupidineque habendi eius exarsisse emissisque eum sestertiis centum milibus;

В то же самое время консул Корнелий Долабелла, по пути в Сирию завернул в Аргос, привлеченный славой этого коня, и, воспылав желанием стать его хозяином, купил его за сто тысяч сестерциев.

Тем не менее, цена за лошадь Долабеллы (примерно 4 таланта) значительно меньше, чем те деньги, которые, согласно традиции, были отданы за Букефала. Стоит признать, что конь действительно мог быть приобретен (Демаратом или Филиппом) за огромную сумму, но 13 талантов – это, скорее всего, сильное преувеличение.

Теперь обратимся к конкретным эпизодам из жизни Букефала.

2.2.5. Обстоятельства приручения

Отдельного комментария требует рассказ Плутарха (ТЗ) о приручении Букефала. Конь, несомненно, был еще довольно молод: с одной стороны, он про-

служит Александру еще много лет, с другой – он уже знаком с всадником и хорошо заезжен к тому моменту, как его доставляют в Македонию. Итак, не вызывает удивления, что горячая молодая лошадь, к тому же явно находящаяся в состоянии стресса, пугалась колеблющейся перед ней тени. Мне лично приходилось иметь дело с конем, который, работая на манеже, пугался узкой полосы грунта, которая слегка отличалась по цвету от остального покрытия (при этом в целом конь всегда был очень спокойным и уравновешенным). Что касается поступка Александра, который смог понять причину такого сильного беспокойства Букефала, – это свидетельство также не вызывает подозрений. Будущий царь, явно уделявший много времени верховой езде, должен был хорошо знать повадки лошадей. К тому же, действия, совершенные им по отношению к Букефалу, очень грамотны и действительно могли успокоить коня.

Легенда о фразе Филиппа, восхищенного поступком сына, могла породить впоследствии ряд фантастических сюжетов, которые повествуют о том, что приручение Букефала стало знаменем о будущем величии Александра.⁴⁰

2.2.6. Избирательное послушание

О том, что Букефал никому, кроме Александра, не позволял на себя садиться, пишут Диодор (Т1), Плутарх (Т7), Плиний (Т8), Арриан (Т9), Курций Руф (Т11), Авл Геллий (Т12) и Дион Кассий (Т15). Наименее подробными являются Т9 и Т15: они не сообщают никаких подробностей. Т7 и Т12 добавляют, что в царской амунии конь подпускал только Александра, а расседланный – всех. Остальные свидетельства содержат детали, которые необходимо прокомментировать.

⁴⁰ Подробнее см: Anderson 1930, 12 ff.

T1 и T11 сообщают, что Букефал, принимая Александра на спину, опускался на колени. Как кажется, это едва ли подлинная привычка коня. Лошадь действительно можно научить такой команде, однако в полном комплекте амуниции (особенно если речь идет о подготовке к бою) это движение очень неудобно и даже травмоопасно (в том числе и потому, что камни и неровности на земле могут повредить ноги). Помимо прочего, едва ли можно представить, что рядом с Александром не было помощников, которые бы подсадили его на коня (что удобнее и для самого царя).

Легко представить, что при македонском дворе активно применялся «персидский» способ посадки, о котором пишет Ксенофонт (*De re equ.* VI, 12; *Hippiarch.* I, 17). Способ этот заключается в том, что всадник становится лицом к седлу, берется одной рукой за край седла, а другой – за холку лошади и подгибает одно колено. Помощник берет всадника за колено, создавая опору для ноги, и подталкивает его вверх. Причина популярности «персидской» посадки проста – это самый удобный и легкий способ и для всадника, и для лошади. В качестве помощника может выступить любой человек (таким способом активно пользуются и сегодня, причем подросток может легко посадить взрослого мужчину). Ксенофонт также упоминает и способ, при котором лошадь должна наклониться, однако замечает, что он применим не во всех ситуациях и не со всеми лошадьми (*De re equ.* VI, 16).⁴¹ Итак, даже если Букефал умел приседать перед Александром на передние ноги, несомненно, конь делал так не всегда, потому что такой способ посадки подойдет не к любой ситуации.

Два автора уточняют, что расседланный Букефал подпускал лишь служителя, который у Диодора (T1) называется *πολοδαμαστής*, а у Плутарха (T7) – *ἵπλοκόμος*. Очевидно, нет принципиальной разницы между сообщениями, что Букефал без амуниции «подпускал» человека (T1) и «позволял ему на себя

⁴¹ Подробнее о способах сесть на лошадь, применяемых в античности, см: Андерсон 2006, 116–120.

садиться» (Т7). Даже если представить, что на нем действительно не ездил никто, кроме Александра, конюх на него вполне мог забраться без седла, когда, например, вел на водопой.

Интересно уточнить значение терминов для обозначения служителей, состоявших при царском коне, о которых говорят Диодор и Плутарх. С ἵπποκόμος вопросов не возникает: уже по внутренней форме понятно, что это человек, в обязанности которого входили уход и забота о лошади, то есть коновод. Такое же определение предлагает и Суда (l 560 s.v.):

<ἵπποκόμος> ὁ τῶν ἵππων ἐπιμελούμενος.

То, что в обязанности гиппокома входила подготовка лошади для работы (то есть чистка, седловка и доставка ее к месту посадки), а также помощь всаднику, следует из Ксенофонта (*De re equi*. VI, 7; 9; 16), где даны советы гиппокому: как правильно надевать оголовье, вести лошадь и подсаживать всадника соответственно. Из Геродота (III, 85 sqq.), видно, что гиппоком, к тому же, сопровождал своего господина о время езды и хорошо знал повадки лошади, которая была ему поручена.

Что касается «полодамаста», предположительно речь должна идти также о коноводе, который ухаживает за лошадей, однако внутренняя форма πωλοδαμαστής указывает на связь с заездкой лошади. Во-первых, мы ничего не знаем о заездке Букефала (это случилось, определенно, еще до того, как конь попал к Александру); во-вторых, чтобы ездить на лошади, нужно ее оседлать, а свидетельство передает, что полодамаст имел дело с расседланным конем. Единственным способом решить эту трудность представляется трактовка πωλοδαμαστής в переносном смысле — «тот, кто воспитывает, формирует»⁴² (ср. ἵπποτρόφος). В таком случае можно предположить, что речь

⁴² LSJ 2.

действительно идет о человеке, приставленном к Букефалу, в обязанности которого входит полный уход за лошады, но который на лошади не ездил.

Как бы то ни было, невозможно судить о достоверности этого сюжета, однако можно сделать ряд предположений. Лошади действительно запоминают «ощущение» своего всадника настолько, что без труда различают «своего» человека и «других». Они способны запоминать привычки и манеру езды, чувствовать настроение всадника и его намерения. Нередко говорят, что хорошо сработавшаяся «пара» может читать мысли друг друга. Однако такая «категоричность» Букефала кажется немного преувеличенной – хорошо выезженная лошадь, какой Букефал, несомненно, являлся, действительно может хуже слушаться постороннего всадника, но не откажется от него. Букефал мог признавать Александра своим хозяином и, соответственно, лучше его слушаться, однако едва ли возможно, что Александр был единственным, кому он позволял на себя садиться. Представляется, что за этим свидетельством стоит нечто иное. Самое простое объяснение – эта деталь была выдумана, чтобы лишний раз подчеркнуть исключительность Букефала и его господина. Можно также представить, что сам Александр ревниво относился к своему коню и не позволял никому больше ездить на нем. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, царь мог не доверять другим людям воспитание своего коня, полностью полагаясь на свои силы и навыки, во-вторых, он мог не позволять другим садиться на коня из ревности.

2.2.7. Участие в восточных походах. Кража и возвращение

Еще один мотив, который неоднократно встречается у античных авторов – похищение Букефала и его возврат. Его мы находим у Диодора (Т1), Плутарха (Т5), Арриана (Т9), и Курция Руфа (Т11). Все авторы единогласно передают, что варвары неожиданно напали на тех людей, которые вели Букефала, и похитили его. Конь был возвращен вскоре после того, как Александр, разгне-

ванный и расстроенный, пригрозил местным жителям репрессиями. T1 и T5 добавляют, что перепуганные варвары привели коня с дарами в качестве извинения (T5 также дополнительно описывает милосердие Александра, который простил обидчиков и даже дал выкуп за приведенного коня). В T11 Александр представлен не таким милосердным: он прекращает наказание только после того, как варвары полностью сдаются и уступают занимаемые ими территории. Оценить достоверность каждого из этих свидетельств, как и эпизода в целом, не представляется возможным, однако можно с уверенностью сказать, что традиция изображает Александра настолько сильно привязанным к своему коню, что он готов вернуть его любой ценой.

Эта группа свидетельств подтверждает, что Букефал следовал за господином в восточных походах. Как кажется, это едва ли произошло бы, если бы конь был уже настолько стар (во всяком случае, к началу экспедиции), что совсем не годился для работы: в такой ситуации, скорее всего, царь полностью избавил бы своего любимца от трудностей похода. Вероятно, он рассчитывал использовать его для особенно важных случаев – для битв, а во время переходов берег его силы и ехал на другой лошади.

2.2.8. Обстоятельства смерти. Основание города в память о коне

О смерти Букефала свидетельства также разнообразны. Его кончину описывают Страбон (T2), Плутарх (T6), Арриан (T9, 10), Авл Геллий (T12), Геродиан (T13, 14) и Суда (T18).

Преобладает «героизация» событий: T2, T10, T13 передают, что Букефал пал в битве с Пором; T6, T12 – что скончался от ран после битвы. Но уже в античности версия героической смерти коня в бою вызывала возражения: согласно альтернативной версии T6 (со ссылкой на Онесикрита) и T9, Букефал умер во время пребывания Александра на Гидаспе от старости. T14 сохраня-

ет указание на место, но не содержит никакой информации об обстоятельствах смерти. T18 передает меньше всего подробностей и приводит уникальное название города – Александрия Букефальская (при этом место и время смерти не уточняется).

Как уже было показано, смерть Букефала, вероятнее всего, последовала в возрасте, в котором, с одной стороны, он мог еще оставаться сильной лошадей, на которой Александр участвовал в бою, но с другой стороны – мог считаться старым, так что его смерть не вызвала бы удивления. Как кажется, свободная от романтики версия о мирной кончине Букефала выглядит более правдоподобной.

T12 содержит явно надуманное описание героической самоотверженности Букефала.⁴³ Раненый конь, запаниковав, действительно мог вынести Александра из гуши сражения, но руководствоваться при этом исключительно инстинктами, а не благородной целью спасти любимого хозяина и друга. Не сложно представить, как с помощью этого сюжета авторам удалось еще больше героизировать образ Букефала (чему мог поспособствовать и сам Александр, особенно если подобный эпизод действительно имел место).

Абсолютно все сообщения о смерти коня сходятся на том, что в тех местах, где Букефал умер, Александр основал город, который назвал в его честь. При этом в словаре Гезихия (T19) сказано лишь про основание города, но не про смерть Букефала; Плиний не передает название города, а лишь сообщает, что Александр основал его на месте смерти коня. Название города (как и само имя лошади) встречается в нескольких вариантах, при этом ранние свидетельства сходятся на том, что город назывался Βουκεφαλία:

⁴³ Ср. T8, где место действия перенесено под Фивы.

Вариант названия города	Источник
1.Βουκεφαλία	Страбон (Т2) Плутарх (Т6)
2.Βουκεφάλα	Арриан (9) Геродиан (Т13)
3.Βουσερhalon (acc.)	Авл Геллий (Т12)
4.Βουκεφάλεια	Геродиан (Т14)
5.Βουκέφαλος Ἀλεξάνδρεια	Суда (Т18)

С Букефалией отождествляют два города в пакистанской провинции Пенджаб: Джелам и Джалалпур. После исследования местности, ее подробного описания и сравнения со свидетельствами античных авторов, Каннингем пришел к выводу, что исторической Букефалией стоит считать именно Джалалпур по трем причинам:⁴⁴ (1) длина маршрута Александра от древней Таксилы (Каннингем отождествляет этот город с современным Сах-Дхари) до Гидаспа, которую называет Плиний Старший (VI, 21) – 120 римских миль. Это расстояние сопоставимо с путем именно до современного Джалалпура. (2) Маршрут до Джалалпура больше похож на описание Страбона (XV, 1, 32), чем маршрут до Джелама. (3) Как дополнительный аргумент Каннингем привлекает свидетельство Арриана (VI, 2–4) о том, что флот из Никеи в столицу Сопифа (Каннингем отождествляет ее с Ахмедабадом) шел три дня (из того места, где находится Джелам, нагруженным кораблям потребовалось бы около шести дней ходу). Кроме того, место, на котором находится Джалалпур, совпадает с описанием у античных авторов того места, где Александр разбил лагерь перед битвой с Пором.⁴⁵ Арриан (*Anab.* V, 11) пишет, что там был высокий лесистый холм и лесистый остров. Курций Руф (*Vita* VIII, 13) также упоминает остров, а еще глубокое ущелье, которое было недалеко от лагеря. Арриан (*ibid.* V, 12) также сообщает о том, что лагерь находился не около реки. Каннингем утверждает, что ущелье, расположенное к северу от

⁴⁴ Cunningham 1871, 166–170.

⁴⁵ Подробнее см: Cunningham 1871, 169 ff.

Джалалпура, подходит под описание обоих историков. Еще один аргумент в пользу этого места заключается в том, что по свидетельству Арриана (V, 2) Александр расставил по берегу реки часовых. Именно в районе Джалалпура берег реки позволяет скрыть часовых от глаз врага.

Город, судя по найденным на его территории монетам, должен был существовать уже во времена последователей Александра, однако Каннингем считает, что населенный пункт в этом месте должен быть еще древнее из-за своего удобного расположения.⁴⁶ Более весомых археологических находок, однако, нет, и античные литературные источники остаются единственным доказательством существования города. Этого, конечно, недостаточно, чтобы прийти к бесспорному заключению об историчности Букефалии, успешном продолжении ее истории после закладки и месте, где она была основана.

Подробный анализ античных источников о Букефале и выделение правдоподобных свидетельств необходимы для максимально точной реконструкции реального образа коня, в историчности которого не возникает сомнений.

Проделав эту работу, мы можем проследить уникальную в своей подробности историю дружбы императора со своим конем и без сомнений заключить, что Букефал занимал очень важное место в жизни Александра. Важно отметить, что среди наших источников нет ни одного, который бы старался объяснить любовь Александра к своему коню или как-то оправдать это чувство перед читателями. Объяснить это можно тем, что, очевидно, в таких комментариях не было никакой необходимости, и проявление любви к лошадям было понятным чувством. К тому же стоит учесть, что в рассматриваемых свидетельствах мотивировки поступков Александра практически всегда можно объяснить чувствами, которые присущи и простым людям (привязанность к любимому другу, стремление о нем заботиться, скорбь об умершем). Эти чувства понятны, не героичны, люди склонны проявлять их по отношению

⁴⁶ Cunningham 1871, 164.

друг к другу. Таким образом можно сделать вывод о том, что перенесение «человеческих» чувств на лошадь также не вызывало удивления и было, вероятно, частой практикой.

Глава 3.

Памятники лошадям

Еще один способ проследить роль лошадей в жизни античного человека и его отношение к этим животным – исследовать сохранившиеся у античных авторов свидетельства о памятниках и надгробиях, посвящённых лошадям.

Присутствие лошади на произведении изобразительного искусства часто подразумевало героизацию образа. Эту идею предложил Дж. Бордман, пытаясь решить проблемы, связанные с трактовкой фриза афинского Парфенона.⁴⁷ Как известно, изображение смертных людей⁴⁸ – очень необычная тема для скульптурного украшения храма. Есть и другая странность: ядро афинского войска в V в. составляли не всадники, а гоплиты, однако в процессии, представленной на фризе, всадники и колесницы занимают примерно две трети общей длины, между тем как гоплитов нет совсем. По идее Бордмана, на фризе Парфенона изображены не простые афиняне, а героизированные участники битвы при Марафоне 490 г. Многочисленные изображения лошадей как раз и создавали дополнительную коннотацию героизации при восприятии образа. Свою идею он подтверждает, в частности, тем, что лошади регулярно изображались на памятниках героям, а в сценах апофеоза Геракла он неизменно едет на колеснице.

Изображения всадников, колесниц и людей, ведущих лошадей, чрезвычайно многочисленны в античном изобразительном искусстве начиная с самых ранних времен, и в рамках этой работы не ставится задача дать хотя бы самый общий их обзор. Достаточно вспомнить, например, серию архаических скульптур, представляющих всадников, – посвящений на афинском Акрополе;⁴⁹ статуи, право воздвигнуть которые в общегреческих святилищах полу-

⁴⁷ Boardman 1977, 43–44.

⁴⁸ Подробное описание фризов см: Boardman 1977, 39–43.

⁴⁹ Boardman 1991, 167; fig. 114, 165, 166.

чали победители в конных ристалищах;⁵⁰ уже упоминавшиеся изображения лошадей рядом с людьми на надгробиях;⁵¹ начиная с эпохи эллинизма – конные статуи заслуженных граждан, правителей и полководцев,⁵² и т.д. О.

Келлер приводит внушительный список имен выдающихся мастеров, воплощавших лошадей в своем искусстве: скульпторы Агелад, Онат, Главкий, Гегий, Каламид, Стронгилион, Фидий, Лисипп; живописцы Полигнот, Микон, Павсон, Эвфранор, Апеллес.⁵³

Однако здесь предполагается рассмотреть случаи, когда устанавливались памятники (с одной стороны, надгробные, с другой – посвятительные), темой которых были именно лошади. В виде исключения будет рассмотрен конный монумент, где есть основания подозревать портрет известного нам коня.

3.1. Могила лошадей Кимона.

Геродот (VI, 103) рассказывает, что Кимону (ок. 504 – 450 гг. до н. э.) довелось трижды одержать победу на Олимпийских играх с одной и той же четверкой коней. История заканчивается таким образом:

Τέθαπται δὲ Κίμων πρὸ τοῦ ἄστεος, πέρην τῆς διὰ Κοίλης καλεομένης ὁδοῦ·
καταντίον δ' αὐτοῦ αἱ ἵπποι τετάφεται αὐταὶ αἱ τρεῖς Ὀλυμπιάδας ἀνελόμεναι.

⁵⁰ Например, Smith 1991, 54; fig. 58, 59, 60; Paus. VI, 4, 10.

⁵¹ Так, Павсаний (I, 2, 3) упоминает надгробную статую работы Праксителя с изображением воина рядом с лошастью возле городских ворот Афин.

⁵² См., например, ряд благодарственных декретов, выносящих решение почтить благотворителя статуей ἐφ' ἵππου: IG II 2 450, fr. b, v. 7–12; 654, v. 57–61; 983, fr. a, v. 4–9; SEG 25, 149, v. 12–14 (Аттика); IG IX 1², 179 (= SIG 3 629), v. 10–15; FdD III, 3, 261 (=SIG 3 630), v. 19–23; FdD III, 4, 49, v. 11–16; 50, v. 14–20; 51, v. 11–13 (Дельфы); SEG 34: 558, v. 62–65 (Лариса); IG XII, 9, 196, v. 7–11 (Эретрия); МАМА 4:142, v. 1–7 (Аполлония); IK 3, 32187, v. 34–38 (Троада).

⁵³ Keller 1909, 254–255.

Похоронен же Кимон перед городом, по ту сторону дороги, которая называется «через лощину». Напротив него похоронены лошади, те самые, которые победили в трех олимпиадах.

Конечно, сложно по одному этому свидетельству судить об отношении Кимона к своим лошадям (выше уже говорилось, что эмоции, которые вызывали ристалища, нельзя приравнивать к персонализированной любви к животным), однако очевидно, что он ими гордился.

Кимон, очевидно, был не единственным хозяином беговых лошадей, чья благодарность проявилась в возведении им надгробного памятника. Рассказ Геродота о том, что его лошади принесли владельцу троекратную олимпийскую победу, заканчивается следующим замечанием:

Ἐποίησαν δὲ καὶ ἄλλαι ἵπποι ἤδη τὸντο τοῦτο Εὐαγόρεω Λάκωνος, πλέω δὲ τούτων οὐδαμαί.

Такое сделали еще кони лаконца Евагора, и больше никакие.

Сравним сообщение Элиана (*De nat.* XII, 40), явно родственное Геродоту:

Μιλτιάδης δὲ τὰς ἵππους τὰς τρεῖς Ὀλύμπια ἀνελομένας ἔθαψεν ἐν Κεραμεικῷ, καὶ Εὐαγόρας δὲ ὁ Λάκων καὶ ἐκεῖνος Ὀλυμπιονίκας ἵππους ἔθαψε μεγαλοπρεπῶς.

Мильтиад похоронил в Керамике лошадей, три раза победивших в олимпийских состязаниях, и спартанец Евагор тоже похоронил своих лошадей-победителей пышно.

Сообщение об Эвагоре само по себе не вызывает недоверия. Однако Кимон здесь явно перепутан с его сыном Мильтиадом, поэтому нельзя исключить, что и по поводу гробницы лошадей Эвагора у Элиана не было иного источ-

ника информации, кроме Геродота, а расхождение объясняется ошибкой памяти или невнимательностью.

Кроме того, мы располагаем замечанием Плиния (*NH* VIII, 155):

Agrigenti conplurium equorum tumuli pyramides habent.

В Агригенте на многих курганах лошадей надстроены пирамиды.

Гробницы лошадей в Акраганте сложно не связать с участием в конных ристалищах местных правителей, включая тирана Ферона – олимпионика и клиента Пиндара (см. *Pind. Ol.* 2; 3).

3.2. Посвящение Симона⁵⁴

Симон Афинский (2-я пол. V в.), как сообщает Ксенофонт, посвятил бронзовую лошадь у храма Элевсиниона (*De re equ.* 1, 1):

Συνέγραψε μὲν οὖν καὶ Σίμων περὶ ἵππικῆς ὃς καὶ τὸν κατὰ τὸ Ἐλευσίνιον Ἀθήνησιν ἵππον χαλκοῦν ἀνέθηκε καὶ ἐν τῷ βάθρῳ τὰ ἑαυτοῦ ἔργα ἐξετύπωσεν.

О верховой езде написал и Симон, который у Элевсиниона в Афинах посвятил бронзовую лошадь и на базе высек свои деяния.

В двух леммах в словаре Суды (α 4739; κ 1621 Adler) трактат Симона был приписан Кимону. Очевидно, что произошла путаница,⁵⁵ дополнительная причина которой, помимо сходства имен и тождества этниконов, могла за-

⁵⁴ Этот сюжет затрагивался в курсовой работе: Петрова 2020, 14–17.

⁵⁵ См. McCabe 2007, 4 п. 5

ключаться в том, что в биографии обоих присутствовал эпизод, связанный с лошадьми и с памятниками.

Очевидно, воздвигнутую Симоном статую следует классифицировать как посвящение, связанное с профессиональной деятельностью, то есть имевшее целью обеспечить работе божественное покровительство или отблагодарить богов за успех. Такой выбор, как бронзовая скульптура коня, ясно говорит о том, что профессиональная самоидентификация посвятителем была связана с лошадьми, которым он посвятил трактат, хотя и сложно судить наверняка о том, чем конкретно Симон занимался (в нем можно видеть командира конницы,⁵⁶ специалиста в верховой езде,⁵⁷ ветеринара⁵⁸). Ни для одного суждения нет достаточных оснований, однако вещи, о которых написал Симон в своем трактате, несмотря на его фрагментарность, демонстрируют глубокое понимание лошади и верховой езды. Об этом речь шла при техническом анализе трактата. Таким образом, кем бы ни являлся Симон, установленный им памятник явно служил иллюстрацией его отношения к лошади как к животному, вызывавшему его самый живой интерес.

С данными Ксенофонта⁵⁹ необходимо сравнить свидетельство Плиния Старшего (*NH XXXIV*, 76), который называет автором статуи афинского скульптора Деметрия из Алопеки и сообщает, что это было изображение Симона верхом на лошади:

idem (sc. Demetrius fecit) equitem Simonem qui primus de equitatu scripsit.

Он же (т.е. Деметрий) изваял в виде всадника Симона, который первым написал о верховой езде.

⁵⁶ Helbig 1861.

⁵⁷ Hierocl. *CHG* B1, 11.

⁵⁸ Gossen 1927, 180.

⁵⁹ Гиерокл (*CHG* B1, 11), который также упоминает о посвящении Симона, просто дублирует своими словами сообщение Ксенофонта (о его стиле см. McCabe 2007, 208).

Свидетельство Ксенофонта представляется более достоверным. Во-первых, он, несомненно, собственными глазами видел статую.⁶⁰ Во-вторых, сообщение Ксенофонта в принципе кажется более вероятным для реалий классической эпохи, когда установить в общественном месте (над Агорой, на северном склоне Акрополя, на пути следования процессий⁶¹) по личной инициативе свое собственное изображение при жизни, тем более на коне, могло быть расценено только как ὑβρις. С другой стороны, изображение посвятителю вполне могло находиться на рельефе на базе статуи, причем там Симон мог быть представлен и гарцующим на коне.⁶² Причина ошибки Плиния или его источника, видимо, состояла в том, что начиная с эпохи эллинизма конные памятники смертным людям – распространенная практика,⁶³ между тем как монументы, темой которых была одна только лошадь, всегда оставались редкостью.

3.3. Конь Александра – конь Цезаря?

Упоминание о статуе лошади встречается у Светония, который рассказывает удивительные подробности о коне Цезаря (*Caes.* 61):

utebatur autem equo insigni, pedibus prope humanis et in modum digitorum ungulis fissis, quem natum apud se, cum haruspices imperium orbis terrae significare domino pronuntiassent, magna cura aluit nec patientem sessoris alterius primus ascendit; cuius etiam instar pro aede Veneris Genetricis postea dedicavit.

У него был замечательный конь с почти человеческими ногами и с копытами, разделенными на манер пальцев. Он родился в его доме, и, так как га-

⁶⁰ Petrova 2020, 212.

⁶¹ Xen. *Hipp.* 3, 3; см. Lenormant 1856, 45–48.

⁶² См. подробнее о рельефе Wickert 1927, 174; Gossen 1927, 180; Soukup 1911, 34; McCabe 2007, 4, n. 4; Петрова 2020, 17.

⁶³ См. выше прим. **Ошибка! Закладка не определена.**

руски предрекли, что это означает власть над миром для хозяина, Цезарь вырастил коня с большой заботой и первый на него сел, а другого всадника конь не знал. Потом он даже посвятил его статую перед храмом Венеры Прародительницы.

Прежде чем анализировать это свидетельство Светония, необходимо сопоставить его с несколькими другими, аналогичными.

Сообщение Плиния Старшего является самым ранним в этой серии (*NH VIII, 155*):

nec Caesaris dictatoris quemquam alium recepisse dorso equus traditur, idemque similes humanis pedes priores habuisse, hac effigie locatus ante Veneris Genetricis aedem.

Говорят, что и конь диктатора Цезаря не давал на себя садиться никому другому, а также что его передние ноги были похожи на человеческие; изображенный в таком виде, он помещен перед храмом Венеры Прародительницы.

Очень похоже пишет и Дион Кассий (*XXXVII, 54*):

ἵππος τις αὐτῷ διαφυὰς ἐν ταῖς τῶν προσθίων ποδῶν ὀπλαῖς ἔχων ἐγεννήθη, καὶ ἐκεῖνον μὲν γαυρούμενος ἔφερεν, ἄλλον δὲ ἀναβάτην οὐδένα ἀνεδέχετο.

один конь у него родился с раздвоенными копытами на передних ногах и его носил с гордостью, а никакого другого наездника не принимал.

Dio Cass. (Excerpta Salmasiana) 763, 1:

ἐν ταῖς ἀγέλαις αὐτοῦ ἐτέχθη ἵππος χηλὰς ἔχων ἀντὶ ὀπλῆς, καὶ οὐδένα ἕτερον ἀναβάτην ἐδέχετο, εἰ μὴ αὐτὸν μόνον, ὥς ὁ Βουκέφαλος τὸν Ἀλέξανδρον.

...у него (Цезаря) в табуне родился конь с когтями вместо копыта, и он не принимал никакого другого всадника, кроме него самого, как Букефал не принимал никого, кроме Александра.

Сходство с историей Александра и Букефала очевидно (и прямо подчеркивается у Диона Кассия):⁶⁴ кальки с нее – и мотив рождения коня с чудесными особенностями как предзнаменования власти над миром, и то, что Цезарь ездил его первым, и то, что конь не давал на себя садиться никому, кроме хозяина.⁶⁵

Свидетельство о том, что ноги коня были похожи на человеческие, передается в нескольких вариантах. Плиний не объясняет, в чем состояло сходство. У Светония копыта лошади были рассечены, словно пальцы. Дион ограничивает эту особенность передними ногами.

Отметим сразу, что лошадь по своей природе не может иметь раздвоенное копыто, потому что не является парнокопытным животным. Возможность рождения с такими отклонениями равна нулю. Таким образом, авторы, настаивающие на этой подробности, говорят о заведомом чуде.

Естествоиспытатель Плиний, в отличие от более поздних источников, не злоупотребляет противоестественными деталями и к тому же передает их с чужих слов («traditur ... habuisse»). Но при этом обращает на себя внимание, его

⁶⁴ Kühnen 2005, 88.

⁶⁵ О фанатических сюжетах в легенде про Букефала см. подробнее: Anderson 1930, 6–7; 12 sqq. (про рога и про залог власти над миром); Winkes 2000, 105 (про параллели с Цезарем).

указание, что необычный внешний вид коня был запечатлен в статуе, стоявшей на виду в центре Рима – на форуме Цезаря перед храмом Венеры Прародительницы. Это дает некоторые основания заподозрить, что легенда о ногах, похожих на человеческие, родилась из неких реальных особенностей не живого коня, а статуи. В таком случае можно попытаться дать два объяснения.

Первый способ предложила Н. А. Алмазова: сходство передних ног статуи лошади с ногами человека могло возникнуть при попытке скульптора создать для нее дополнительную точку опоры. В качестве примера можно привести конный памятник Петру I работы Ф.-Б. Растрелли у Инженерного замка в Санкт-Петербурге (Илл. 3.1). Сустав левой передней ноги лошади сильно «проседает», поэтому свисающая с нее щетка достает практически до пола и с определенного ракурса напоминает каблук человеческого сапога.⁶⁶

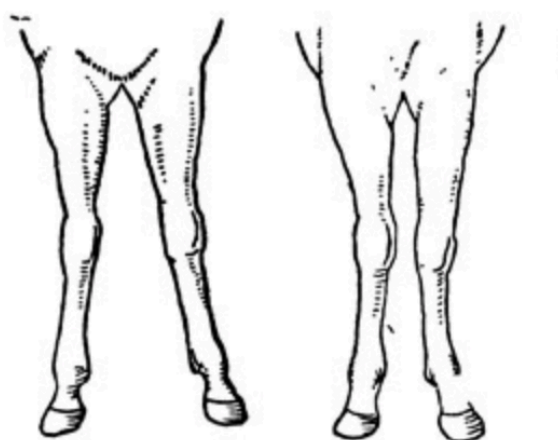
Илл. 3.1. Ф.-Б. Растрелли. Памятник Петру I

Против этой версии можно выдвинуть следующий аргумент: во всех античных источниках говорится о ногах во множественном числе – либо обо всех, либо о двух передних. Между тем, у скульптора была причина «опускать» сустав лишь одной ноги – такое решение могло быть вызвано желанием добиться лучшего баланса, поэтому, рассматривая эту версию, стоит признать,

⁶⁶ Щеткой называют шерсть над копытом у лошади.

что она была бы сильнее, если бы в источниках «нога» была в единственном числе.

Второй способ истолковать описание – обратиться к физиологии лошади. Положение передних ног, если смотреть на животное спереди, может иметь небольшие отклонения от нормы, что не мешает лошади исправно служить своему всаднику.

Илл. 3.2. Положение передних ног лошади

Подобное строение передних ног действительно могло вызывать ассоциации с положением ног как живого человека, так и скульптур, изображающих людей. Если принять эту версию, то можно предположить, что статуя являла собой лошадь, все четыре ноги которой стояли на земле, однако вопрос о том, насколько явной могла быть подобная ассоциация, остается открытым.

Впрочем, у нас вообще нет уверенности, что имеет смысл искать реальную основу для свидетельств о ногах коня Цезаря. Возможно, это чисто фантастический сюжет, и ему стоит верить не больше, чем тем, которыми «обросла» история Букефала и Александра.

При чтении приведенных выше свидетельств, особенно Светония, может сложиться впечатление, что имелась в виду именно статуя лошади без всадника. Между тем, это, по всей вероятности, не так. Сравним строки Стация, который воспекает конную статую Домициана перед храмом Юлия на Римском форуме, сравнивая ее с интересующим нас монументом (*Silv.* I, 1, 84–87):

Cedat equus Latiae qui contra templa Diones
Caesarei stat sede fori quem traderis ausus
Pellaeo, Lysippe, duci; mox Caesaris ora
mirata cervice tulit:

Пусть уступит конь, который стоит на форуме Цезаря напротив храма Дионы Лации, которого ты, Лисипп, как говорят, предназначил пеллейскому вождю; однако затем он стал носить на удивленной шее лик Цезаря.

Не возникает сомнения, что Стаций и Светоний говорят об одном и том же памятнике: ведь место совпадает, и, кроме того, у Светония речь идет о статуе, которую установил Цезарь, а у Стация – о статуе Цезаря. Если это так, то скульптура являла собой не просто лошадь, а лошадь и всадника.

Стаций, однако, добавляет новые подробности. Согласно убедительной интерпретации, данной Рошером,⁶⁷ конная статуя, установленная на форуме Цезаря, изначально была сделана Лисиппом для Александра. Известно, что этот великий мастер был придворным скульптором македонского царя, который лишь его считал достойным ваять себя (*Plut. Alex.* 4). Очевидно, после покорения Греции статуя попала в Рим, где статую «пеллейского вождя» переделали в статую Цезаря, поменяв голову правителя. Такая практика применялась:⁶⁸ об этом упоминает Светоний (*Calig.* 22, 2, 5) и Плиний Старший (*NH.*

⁶⁷ Roscher 1891, 96 ff.; см. Anderson 1930, 21.

⁶⁸ Kühnen 2005, 88 n. 36.

XXXVI, 94). Тогда слова *tox Caesaris ora mirata cervice tulit* относятся к торсу всадника, изначально принадлежавшему фигуре Александра, а не к коню: в самом деле, едва ли поэт мог бы допустить такую неуклюжесть, чтобы сказать о лошади «нести лик на шее» вместо «нести наездника на спине».

Итак, на форуме стояла именно конная статуя Цезаря.⁶⁹ Такой ход, как использование греческой статуи работы Лисиппа, очевидно, должен был демонстрировать преемственность между Александром и Цезарем. А поскольку Лисипп в свое время работал с натуры, есть шанс, что на форуме Цезаря стоял выполненный с живой модели портрет Букефала.

Наконец, уместно задать еще один важный вопрос: насколько можно верить в историчность коня Цезаря? Многое из того, что рассказывают о диктаторе биографы, продиктовано мотивом *aemulatio Alexandri*. Светоний несколько раз дает понять, что Цезарь стремился в целом к величию Александра, завидовал ему (*Caes.* 7) и даже стремился повторить его планы (*Caes.* 58, 5).⁷⁰ Легенда о чудесном коне Цезаря явно была перенесена на римского императора в попытке уравнивать его в глазах современников и потомков с Александром.⁷¹

Кроме того, примечательно, что традиция не донесла имя коня и что о нем нет параллельных упоминаний авторов – современников Цезаря.⁷²

Этих аргументов достаточно, чтобы признать, что особенного любимого коня, о котором пишут авторы, у Цезаря не было.

⁶⁹ Этого же мнения придерживается и Гилберт: Gilbert 1890, 226 n. 3.

⁷⁰ Anderson 1928, 40.

⁷¹ Kühnen 2005, 89.

⁷² Anderson 1930, 19.

3.4. Могила коня Августа

Вслед за Александром и Цезарем традиция приписывает любимого коня и Октавиану (Plin. *NH* VIII, 155):

fecit et Divus Augustus equo tumulum de quo Germanici Caesaris carmen est.

И божественный Август возвел коню гробницу, о чем говорится в произведении Цезаря Германика.

Поскольку эта фраза следует непосредственно за сообщением о памятнике на форуме Цезаря, Андерсон считает, что Плиний продолжает историю о коне Цезаря и, таким образом, Октавиан построил эту гробницу ему, а не своему коню.⁷³ Это место исследователь использует как один из основных аргументов в пользу историчности лошади Цезаря. Однако нет весомых причин полагать, что этот пассаж – продолжение истории о коне Цезаря. Плиний далее перечисляет известных личностей, которых традиция изображает привязанными к своим лошадям, и лошадей, которые прославились своим умом и благородством (*NH* VIII, 155–160), и свидетельство о надгробии, воздвигнутом Августом, логично считать одним из пунктов этого «списка».

Нужно признать, что сообщение Плиния вписывается в обсуждаемую концепцию императора и его верного коня, тем более что Августу, как и Цезарю, можно приписать *aemulatio Alexandri*.⁷⁴ Однако в данном случае нет оснований считать информацию недостоверной. Во-первых, коню не приписывается никаких чудесных особенностей. Во-вторых, Плиний явно сам знает не досшедшую до нас поэму Германика и, по-видимому, рассчитывает, что она знакома и его читателям, так как ссылается на нее как на источник в подтвер-

⁷³ Anderson 1930, 19.

⁷⁴ В фантастической традиции об обоих великих людях одно из самых заметных совпадений – одинаковая история зачатия в храме Аполлона от бога, который появился в облике змея: ср. Plut. *Alex.* 3, 2 и Suet. *Aug.* 94.

ждение своих слов. Что касается Германика, для него как члена императорской семьи, конечно, было вполне естественно знать из первых рук о таком событии, как смерть и погребение любимого коня приемного деда, и куртуазно отозваться на него стихотворением в жанре, ставшим уже традиционным, – на смерть домашнего любимца.⁷⁵

3.5. Могила Борисфена, коня Адриана

Свидетельства про любимого коня Адриана также представляются вполне достоверными. В этом случае, по счастливой случайности, литературные данные подкрепляются эпиграфическими. Прежде всего, в нашем распоряжении пассаж Диона Кассия (LX, 10):

... ὁ Βορυσθένης ὁ ἵππος, ᾧ μάλιστα θηρῶν ἠρέσκετο ... ἀποθανόντι γὰρ αὐτῷ καὶ τάφον κατεσκεύασε καὶ στήλην ἔστησε καὶ ἐπιγράμματα ἐπέγραψεν.

... конь Борисфен, которого он любил больше всех из животных ... ведь, когда конь умер, он (Адриан) построил ему гробницу, поставил стелу и написал эпigramму.

С этими сведениями Диона согласуется также менее подробное сообщение в *Hist. Aug. Nadr.* 20:

equos et canes sic amavit, ut eis sepulchra constitueret.

Он так любил собак и лошадей, что воздвигал им гробницы.

⁷⁵ См. Lazenby 1949, 304. Ср. стихотворения Катулла на смерть воробья Лесбии (Cat. 3); Овидия на смерть попугая Коринны (Am. II, 6), и др.

Наконец, мы располагаем самой эпитафией, авторство которой, согласно Диону Кассию, можно приписать Адриану.⁷⁶ Надпись происходит из города Апта в Нарбонской Галлии:

Borysthenes Alanus
 Caesareus veredus,
 per aequor et paludes
 et tumulos Etruscos
 volare qui solebat 5
 Pannonicos in apros,
 nec ullus insequentem
 dente aper albicanti
 ausus fuit nocere,
 vel extima saliva 10
 sparsit ab ore caudam,
 ut solet evenire,
 sed integer iuventa
 inviolatus artus
 die sua peremptus 15
 hoc situs est in agro.⁷⁷

Борисфен аланский, Цезарев конь, который часто летал по равнине, и болотам, и этрусским холмам за кабанам Паннонии, и ни один кабан не посмел навредить преследователю белым клыком и не окропил хвост пеной из углов рта, как обычно случается, но, невредимый в юности и с неповрежденными членами умерший в свой день, он похоронен здесь в поле.

Адриан вписывается в линию традиции: в очередной раз можно провести аналогию с Александром, а также с Августом, которые оказывали своим ло-

⁷⁶ CIL XII, 1122; см. Cugusi 2004, 129.

⁷⁷ Текст приводится по изданию Cugusi 2004.

шадям посмертные почести. В надписи Борисфен явно представлен прекрасным и отважным охотничьим конем, и именно в этом Адриан видит его главную заслугу. Это позволяет говорить об еще одной традиции, к которой можно отнести фигуру императора: образ охотника на коне считался воплощением *virtus* среди элиты во II–IV вв. н.э.⁷⁸ Изображение Адриана, охотящегося на коне, можно найти на медальоне арки Константина в Риме (Илл. 3.3).

Илл. 3.3. Фрагмент арки Константина в Риме

Помимо письменных свидетельств, атрибуцию и датировку подтверждает то, что эпитафия прекрасно соответствует заявленной эпохе по своей изысканной метрике и стилистике.⁷⁹ Ямбические каталектичексие диметры, чередуясь с хориямбическими диметрами, как нельзя лучше дополняют содержание – передают идею стремительности коня. Однако идея Кугузи о том, что рассматриваемое посвящение можно объяснять «вкусом неософистики», который господствовал в ту эпоху, не кажется верной. Содержание надписи и сам факт возведения гробницы стоит скорее сравнивать с традицией воспевать в

⁷⁸ McDonough 2011, 656–657.

⁷⁹ Cugusi 2004, 129–130.

стихах умерших питомцев, к которой относится Германик, чем со схоластическими хвалебными речами Лукиана.

Лошади не были единственными животными, удостоивавшимися погребения. Так, до нас дошли эпитафии и эвлогии собакам. Их даже хоронили рядом с людьми, а обряды похорон и формулы молитв были очень похожи на человеческие.⁸⁰ Собакам, как и лошадям, возводились большие мавзолеи.⁸¹ Хотя это могло быть, в том числе, и средством показать богатство и социальный статус, можно сделать вывод, что желание увековечить питомца было скорее искренним, ведь так стремились делать и обычные горожане, и высокопоставленные лица. Любимым питомцам предоставлялись действительно человеческие почести,⁸² словно их хозяева испытывали к ним чувства, которые могли бы испытать к человеку. Более того, многие люди предпочитали быть изображенными на надгробных памятниках со своими животными.⁸³ Это позволяет думать, что хозяева не желали расставаться с ними даже в загробной жизни.⁸⁴ По сохранившимся памятникам видно, что хозяева привязывались к животным и желали организовать им достойные похороны словно в благодарность за ту радость, которые питомцы доставляли им при жизни. К тому же большое количество памятников и эпитафий доказывает, что хозяева не просто любили своих животных, но и хотели показать свою привязанность окружающим. Это, в свою очередь, говорит о том, что такая привязанность была вполне социально приемлема.

⁸⁰ Bodson 1983, 316.

⁸¹ Schlieben 1861, 61.

⁸² Lonsdale 1979, 150.

⁸³ Bodson 1983, 317.

⁸⁴ Bodson 1983, 317.

Заключение

Лошадь – одно из самых близких по отношению к человеку животных, и античность – не исключение. Очень быстро, благодаря своим природным качествам, лошадь начинает выделяться на фоне других домашних животных и занимать все более важную и ответственную позицию в мире людей. На основе литературных источников, которые были проанализированы в этой работе, можно с уверенностью заявить, что уже в Гомеровскую эпоху лошадь воспринимали как компаньона и считались с ее интересами, а к IV в. до н.э. она превратилась в верного и умного товарища, достойного почтительного обращения, благодарности и любви. Конечно, не стоит считать, что подобное отношение не знало исключений. Мы находим в источниках примеры пренебрежительности и даже жестокости к животным, в частности к лошадям, однако этих свидетельств несравнимо меньше, чем тех, в которых описано хорошее и справедливое отношение. При этом каждый раз античные авторы критикуют нерадивых хозяев. В античном обществе хорошее отношение к лошадям, как видится, было распространено, а проявление любви и привязанности к этому животному не считалось за чудачество. Лошадью восхищались, отводили ей важную роль в искусстве, тратили много времени и сил на ее тренировки в мирное время, доверяли свою жизнь на войне и, в конце концов, просто любили, как любят своих лошадей всадники и сегодня за их преданность, ум и красоту.

Список сокращений

LSJ – Liddell H.G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, Clarendon Press 140.

OCD – Hornblower S., Spawforth A., Eidinow E. *Oxford Classical Dictionary*. Oxford, New York, Oxford University Press 2012.

Список литературы

1. Андерсон. Дж. К. Древнегреческая конница. СПб., Издательство СПбГУ, 2006.
2. Немировский А. И., Ильинская Л. С., Уколова В. И. *Античность: история и культура: Пособие для учащихся ст. классов общеобразов. учреждений: В 2 т. Т. 2*. Москва, АО "Аспект Пресс", 1994. Приложение. Денежные системы.
http://yanko.lib.ru/books/hist/antiq_hist_cult-2=a.htm#_Toc69363559
(Электронный ресурс. Дата обращения: 14.05.2021).
3. Петрова В. И. *Руководство Симона Афинского по выбору лошадей*. Курсовая работа. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2020.
4. Anderson A. R. Bucephalus and his legend. *The American Journal of Philology* 1930. Vol. 51, fasc. 1. P. 1–21.
5. Anderson A. R. Heracles and his Successors: A Study of a Heroic Ideal and the Recurrence of a Heroic Type. *Harvard Studies in Classical Philology* 1928. Vol. 39. P. 7–58.

6. Boardman J. *The Parthenon Frieze. Another View*. Mainz/Rhein, P. von Zabern, 1977.
7. Boardman J. *Greek Sculpture. The Archaic Period*. London, New York: Thames and Hudson, 1991.
8. Bodson L. Attitudes Towards Animals in Greco-Roman Antiquity. *International Journal for the Study of Animal Problems* 1983. Vol. 4. P. 312–320.
9. Cugusi P. Carmina Latina Epigraphica e novellismo: Cultura di centro e cultura di provincia contenuti e metodologia di ricerca. *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici* 2004. Vol. 53. P. 125–172.
10. Cunningham A. *The Ancient Geography of India. I: The Buddhist Period*. London: Trubner and Co, 1871.
11. Gossen H. Simo 16. *RE* 1927, 2.R. Bd. 3. Sp. 180.
12. Gilbert O. *Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Altertum. Dritte Abteilung*. Leipzig: Teubner, 1890.
13. Helbig W. Simon der Hippolog. *Archaeologische Zeitung* 1861, 19, 180–184.
14. Kaerst J. Bukephalos 2. *RE* 1897. Bd. 3, Hbd. 5. Sp. 995.
15. Keller O. *Die antike Tierwelt* Vol. 1. Leipzig, W. Engelmann, 1909.
16. Korhonen T., Ruonakoski E. *Human and Animal in Ancient Greece: Empathy and Encounter in Classical Literature*. London – New York: I. B. Tauris, 2017.

- 17.Kühnen A. *Die imitatio Alexandri als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n.Chr.* Diss.: Universität Duisburg-Essen, 2005.

- 18.L’Allier L. Des chevaux et des hommes. Sur les couples hommes-chevaux et femmes-juments chez Xénophon. *PECUS. Man and animal in antiquity. Proceedings of the conference at the Swedish Institute in Rome* 2002. P. 129–134.

- 19.Lazenby F. D. Greek and Roman Household Pets. *The Classical Journal* 1949. Vol. 44, fasc. 5. P. 299–307.

- 20.Lenormant Ch. *Mémoire sur la manière de lire Pausanias, à propos du véritable emplacement de l’Agora d’Athènes.* Paris: Imprimerie impériale, 1856.

- 21.Lilja S. Theriophily in Homer. *Arctos* 1974. Vol. 8. P. 71–78.

- 22.Lonsdale S. H. Attitudes Towards Animals in Ancient Greece. *Greece and Rome* 1979. Vol. 26. P. 146–159.

- 23.McCabe A. *A Byzantine Encyclopaedia of Horse Medicine: The Sources, Compilation, and Transmission of the Hippitrica.* Oxford, Oxford University Press, 2007.

- 24.McDonough C. M. Back in the saddle again (“CIL” 14.3911). *Mnemosyne* 2011. Vol. 64. P. 653–659.

- 25.Oder E. De Hippiatricorum codice Cantabrigiensi. *Rhein. Mus.* 1896a. Bd. 51. S. 52–69.

26. Oder E. *Anecdota Cantabrigiensia. Pars I: De Hippiatricorum codice Cantabrigiensi*. Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht des Friedrichswerderschen Gymnasiums zu Berlin. Berlin: R. Gaertners 1896b.
27. Pearson L. *The Lost Histories of Alexander the Great*. Oxford, Blackwell, 1960.
28. Petrova V. The Bronze Horse and the Lifetime of Simon the Athenian. *Hyperboreus* 2020. Vol. 26, fasc 2. P. 210–220.
29. Pfrommer M. *Untersuchungen zur Chronologie und Komposition des Alexandermosaiks auf antiquarischer Grundlage*. Mainz, P. von Zabern, 1998.
30. Roscher W. H. Über die Reiterstatue Iul. Caesars auf dem Forum Iulium und den «ἵππος βροτόπους» einer Münze des Gordianus Pius von Nikaia (Bithynien). *Berichte über Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philologisch-Historische Klasse* 1891. Vol. 43. P. 99–112.
31. Schlieben A. *Die Pferde des Alterthums*. Neuwied – Leipzig: J. H. Heuser, 1867.
32. Schwartz E. Chares 13. *RE* 1899, Bd. 3. Sp. 2129.
33. Soukup I. *De libello Simonis Atheniensis 'de re equestri'*. *Commentationes Aenipontanae* 6. Ad Aeni Pontem, Wagner, 1911.
34. Smith R. R. R. *Hellenistic Sculpture*. London, New York: Thames and Hudson, 1991.
35. Sternbach L. *Excerpta Vaticana. Wiener Studien* 1895. P. 8–37

36. Vilatte S. La femme, l'esclave, le cheval et le chien: les emblèmes du kalos kagathos d'Ischomaque. *Dialogues d'histoire ancienne* 1986. Vol. 12. P. 271–294.
37. Wickert L. Simo 7. *RE* 2.R. Bd. 3, 1927, 173–175.
38. Winkes. R. Boukephalas. *Miscellanea Mediterranea* 2000. P. 101–107.

Приложение. Список иллюстраций

Илл. 1.1. Схема движения лошади на рыси

(<http://www.cnsnb.ru/AKDiL/0008/base/RR/000648.shtm>).

Илл. 1. 2. Положение шеи лошади (<https://equiflow.ru/myshcy-loshadi/>).

Илл. 1. 3. Поэтапное движение к «сбору» (<https://sedla.ru/blogs/kak-sobrat-loshad-v-sborku.html>).

Илл. 1.4. Разница между расслабленной (слева) и собранной (справа) лошадью (<http://h-h-t.ru/infogrammy/razvitije-sbora/>).

Илл. 1.5. Строение шеи лошади (<https://vseokone.ru/myshcy-shei-loshadi.html>).

Илл. 1.6. Смещение центра тяжести назад при правильном положении шеи «в сборе» (справа) (<http://www.kdvorik.ru/base.php?id=609>).

Илл. 1.7. Амплитуда движения лошади на галопе

(<https://zooclub.ru/loshadi/verkhovaya-yezda/galop-loshadi.shtml>)

Илл. 2.1. а–б. Битва Александра Македонского с Дарием III. Мозаика из дома Фавна в Помпеях, ок. 100 г. до н. э., с оригинала конца IV в. до н.э. Неаполь, Национальный археологический музей

([https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_при_Иссе_\(мозаика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_при_Иссе_(мозаика))).

Илл. 2. 2. Лошадь караковой масти (<https://wikipet.ru/2670-masti-loshadey.html>).

Илл. 2. 3. Плечевая кость лошади

(<https://kofestudio.livejournal.com/72212.html>).

Илл. 3.1. Ф.-Б. Растрелли. Памятник Петру I

(https://www.etovidel.net/sights/city/saint-petersburg/id/kon_s_nogoj_cheloveka).

Илл. 3.2. Положение передних ног лошади

(https://sinref.ru/000_uchebniki/03400metallurg/002_kolhozni_kuznec_medvukov_1958/117.htm).

Илл. 3.3. Фрагмент арки Константина в Риме ([https://life-](https://life-globe.com/europe/italia/roma/triumfalnye-arki-rima-konstantina-tita-septimija-severa/)

[globe.com/europe/italia/roma/triumfalnye-arki-rima-konstantina-tita-septimija-severa/](https://life-globe.com/europe/italia/roma/triumfalnye-arki-rima-konstantina-tita-septimija-severa/)).